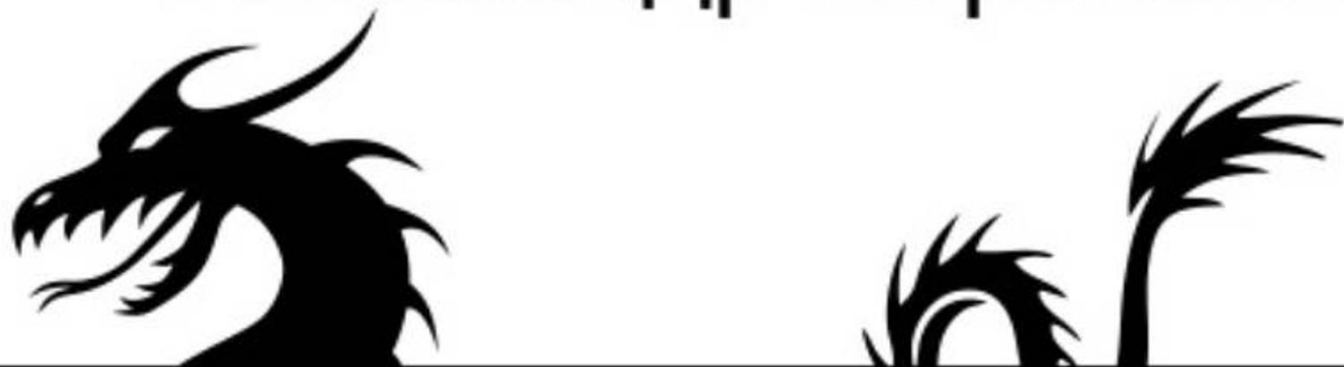

Александр Воропаев

НОВЫЕ ЛЮДИ

Том второй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сага о Восточном Пределе

Александр Воропаев

Новые люди. Том 2

«Автор»

2026

Воропаев А.

Новые люди. Том 2 / А. Воропаев — «Автор», 2026

Миссия бывшего стажера полиции Анны Нойманн, отправившейся к лесным людям, потерпела неудачу. Матиуш Ардо, обвиненный в убийстве брата, бежит из темницы и движется навстречу новым испытаниям. Старые клятвы утратили свою силу, отношения больших и малых домов переживают кризис. Тревожные события происходят и на Королевском холме в столице Восточного Предела. Дети Дерика Фюргарта должны будут взять на свои плечи груз ответственности за судьбу Восточных Холмов. Продолжение саги о Восточном Пределе.

© Воропаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Карта Восточного Предела	5
Глава 20. Анна Нойманн	7
Глава 21. Баррион	21
Глава 22. Матиуш Ардо	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Воропаев Новые люди. Том 2

Карта Восточного Предела

Глава 20. Анна Нойманн

— Где мы? — спросила Анна.

Они сидели в каком-то овраге. Глиняные склоны были покрыты елками с голыми ветками. Франц пристроил пятую точку на гнилой ствол и, опустив голову, понуро смотрел вниз.

— А я знаю? — устало ответил он.

— Это уже утро. Мы бежали всю ночь. Я точно помню, что мы пересекали реку. Значит, мы на своем берегу.

— Если это была Эльде. Здесь что, других рек нет?

Анна посмотрела на него. Да, они вымотались. Бока Франца ходили туда-сюда. Как у замученного пса. Она и сама не чувствовала ног. Все ее тело гудело.

— Нет, лучше будем считать, что это Эльде. Не хочется верить, что мы так долго бежали не в ту сторону. Тогда Пархим будет там. — Она ткнула пальцем в противоположный склон.

— Сейчас появится солнце, и мы узнаем... Давай немного посидим. Теперь мы далеко от всего этого.

Анна вздрогнула. Они, не сговариваясь, до сих пор не упоминали о том, что произошло накануне. Говорить об этом было жутко. И, кроме того, она толком ничего не помнила. В последовательности событий были ужасающие дыры.

После того, как Суток закричал, и на него набросились береттеи, его посох упал как раз между Анной и Францем. Она помнила, как жезл залил их малиновым светом. Потом была эта вспышка. Чарли превратился в светящийся столб. Это длилось лишь секунды, а потом... Потом она бежала. Ужас гнал ее жгучей плеткой. Ужасом был пропитан воздух и все вокруг. Пространство вокруг сгустилось до вязкой темноты, наполненной страхом и отчаянием. Ужас был осязаем, как нечто материальное. Ее тело взяло вверх над разумом и хотело только одного — выжить. Что стало с береттеями, она не видела, не помнила или не хотела помнить.

В сознании возник образ лесного царя, этого голиафа с невозможным для запоминания именем. Он шел на четвереньках по дрожащей земле, пошатываясь, как медведь. Кожа на его спине горела... Она, спотыкаясь, пробежала мимо, и он тоскливо посмотрел на нее из-под обожженных бровей... Или этого не было?

Когда Анна смогла чувствовать что-то еще, кроме ужаса, она увидела бегущего рядом Франца. Он держал ее за руку... Что-то было не так с ее глазами. Она не видела ничего вокруг. Девушка не сразу поняла, что на них навалилась ночь...

— Я взял у тебя несколько патронов, — сказал Франц.

Анна подняла голову, но смысл сказанного не сразу пробился к ее сознанию.

— Из жилета...

— А-а-а... смотри, чтобы твою пукалку не разорвало...

— Ты думаешь, я тупой? У тебя вальтер под девятимиллиметровый парабеллум.

Девушка махнула рукой, у нее не было сил даже удивляться.

— Сейчас бы пригодился твой мотороллер, — сказал Франц.

— Ты видел мою «Веспу»? — спросила Анна, прикрывая глаза рукой. Вопрос вырвался сам собой — ее сейчас мало что заботило из прошлой жизни.

— Я видел тебя раньше в городе...

...Анна бежала на пределе своих возможностей. Болели ноги, жгло легкие. А она всегда думала, что у нее хорошая физическая форма. Это все проклятые сливочные грибы...

— Мы правильно сделали, что убежали? — спросила она.

Франц поднял белесые брови и вопросительно уставился на нее.

— Суток. Я не видела, что случилось с ним. Может быть, он нас ищет. Что ты на меня смотришь. Ты его видел?

— Ты не видела, как эти хиппи напали на него? Я думал, ты так боишься потому, что видела, что с ним произошло. Ты буквально воняешь страхом всю дорогу.

— Франц, прекрати так говорить со мной. Дети вообще так не разговаривают. Понимаешь ты это?

Паренек только пожал плечами и поднялся. Анна пожалела, что передышка была такой недолгой.

— Дети давно кончились, гауптман. Суток нас больше не ищет. Они били его своими копытами как бешеные. Пока с Чарли не случилось это...

Они вышли из оврага. Перед ними было открытое место. Легкий туман полз от темнеющего впереди леса. Утренний воздух был влажный и гулкий. Анне казалось, что они находятся в каком-то ландшафтном парке Шверина. Место было ровное, рослые деревья, похожие на старые липы, стояли небольшими группами. Не хватало только чугунных скамеек. После нескончаемых километров густого леса, через который приходилось местами буквально продирается, идти, наконец, было легко.

Под ногами появилась довольно широкая дорога. Нечего и думать, они пошли по ней. Затем на обочине возник верстовой столб. На его вершине сидел вырубленный из камня короткомордый медведь или пес. На уровне глаз висел кусок кожи с рисунком. Он изображал человека, которого другие человечки тащили в разные стороны за руки и ноги. Ниже было нанесено несколько рун.

— Тут явно какое-то предостережение, — сказала Анна. — Может быть, следует сойти с дороги. Мы могли бы попробовать выйти к Эльде. Так мы гарантированно доберемся до Пархима.

— Мы ничего такого не делаем, — ответил Франц. — Дорога идет на юг. Нам туда и нужно. По оврагам мы быстро ноги обобьем. Это наверняка нарисовано для браконьеров. Чтобы напугать. Плохо быть безграмотным. У тебя случайно нет местно-немецкого словаря.

— Сейчас посмотрю, а, нет — не захватила!

Франц был доволен таким ее ответом.

— Вижу, тебе уже лучше.

Они пошли по дороге. Вскоре перед ними появился силуэт небольшой худощавой собаки, она остановилась перед ними, поджимая под себя тонкий хвост и дрожа всем телом.

— Бади, Бади, — свистнул Франц. — Лаки, Роки, ко мне.

Собака понюхала воздух и громко гавкнула. Издалека приглушенно раздался лай десятка собак. Прозвучал рожок.

Легавая исчезла. Через несколько минут из тумана вдруг вывалились люди на лошадях и закружили вокруг путников. Анна вынула из ножен свой меч. В сопровождении десятка воинов и непрерывно виляющей хвостами и лающей во все стороны своры собак к ним подъехал дородный господин. Он был одет в красные рейтузы и белую свободную сорочку с распахнутым воротом. Его круглое румяное лицо украшали густые бакенбарды. В руке была сложенная плетка.

— Ты кто? — спросил он, обращаясь исключительно к Анне.

Тон его был надменный. Густые брови над выпученными глазами презрительно изгибались. То, как он спрашивал и как сидел в седле, подбоченясь толстой рукой, показывало, что он здесь всем заправляет.

— А ты кто? — спросила Анна. Она не собиралась ни от кого терпеть подобного тона.

— Я? — поднял брови здоровяк. — Я Максимилиан Несельграде!

— А я Анна Нойманн. Гауптман городской полиции Пархима.

— Да ты девица! — воскликнул собеседник.

Он толкнул коня ногами и подъехал к ним вплотную. Анне пришлось отступить на шаг, чтобы лошадь не затоптала ее.

— Точно девица, и прехорошенькая... Что еще за Пархим?

Воин, затянутый в черные кожаные доспехи, наклонился к нему и что-то сказал. Лицо здоровяка изобразило удивление.

— Так ты из города новых людей. И славный меч... Почему у тебя в руке рыцарское оружие? — спросил он. — Ты что женщина-рыцарь? А это что за белобрысого хлюпика я вижу? Твой паж?

Франц со своим характером, конечно, не сдержался:

— А я вот вижу осла на лошади. Не будь таким же тупым, как твое лицо. Мы на задании по поручению Отто Ренка, лорда Векского... и твоего ярла Дерика. Пропусти нас, иначе тебе влетит от начальника.

— Ярл далеко, а ты, бастард, на моей земле. Сейчас ты узнаешь, как дерзить мне. Ты пожалеешь, что родился на свет. В темную его пока...

Здоровяк коротко махнул плеткой. С лошадей живо соскочили крепкие воины, схватили парнишку за плечи. Они с хмурой деловитостью прижали его к земле, накинули веревочную петлю и в секунду скрутили его. Анну оттерли в сторону лошадьми.

Мальчишку, связанного по рукам и ногам, подняли на лошадь и как овцу приторочили за седлом поперек жеребца. Всадник ударил пятками и провалился в туман.

— Эй, глашатай! Где этот бакалавр геральдики, — крикнул господин в рейтузах.

Появился потрепанный оболтус с мутными глазами. Он едва держался в седле.

— Ну, объяви меня леди Анне. Теперь как следует.

Герольд выехал вперед, выхватил из-за пазухи горн и прижал его к губам. Звуки из трубы вылетели хриплые, как карканье вороны, но громкие. Потом оболтус патетически вознес над собой вялую руку.

— Перед вами, миледи, его сиятельство граф Теодоро Максимилиан Нессельграде. Природный лорд Ченемгеда, рыцарь ордена Закрытых Ворот, кавалер ордена Чистого Сердца с мечами и бантами, кавалер ордена Возмездия с мечами и бантами, а также многократный, прославленный и повсеместно известный чемпион всяческих турниров и прочая, и прочая...

— Гауптман Нойманн, — буркнула Анна. — Куда увезли моего... оруженосца?

— Вы проникли на мою землю. Я не терплю этого. Каждого, кто без моего разрешения топчется по моей земле, ждет примерная порка. Если бы мне попался браконьер или проповедник, его разодрали бы на части лошадьми. Но вы... Вы теперь обязаны погостить в скромном замке холостяка. Это будет вашим наказанием. Дайте мне руку и взбирайтесь ко мне. Как получилось, что вы потеряли лошадей?

Анна не знала, как ей поступить. Она не решалась применить оружие. Франца уже куда-то увезли. Вокруг было полтора десятка вооруженных небритых мужчин с недобрыми лицами.

Ей не дали как следует все обдумать. Граф кивнул. Грубые руки схватили девушку и подняли на его лошадь. Она оказалась на холке высокого жеребца. Ее руки сами схватились за черную гриву. Сидеть было неудобно, с ногами на одну сторону.

— Не бойся, красавица, я буду крепко тебя держать, — сказал ей граф в самое ухо.

Он обхватил ее рукой, и она почувствовала спиной его круглый живот.

— В замок! — велел он.

Лошади и собаки закружили вокруг них, и всадники сорвались с места в карьер. Это была бешеная скачка. Все мелькало перед глазами у Анны. Кусты, деревья, лошади и люди. Сколько это продолжалось — неизвестно. Приходилось крепко сжимать зубы, чтобы не лишиться их в этой свистопляске... Наконец они выехали на ровную дорогу, и тряска прекратилась. Они ехали по широкой долине. За спиной остались высокие холмы, лес и застрявший в нем туман. Оказывается, они спустились с гор.

У графа появилась возможность повести куртуазный разговор.

— С каким же особым поручением оказалась леди Анна в моих владениях?

— Мы были с миссией в землях береттеев. Я не могу распространяться о ее цели. Это знают только яrl Дерик и мой господин лорд Векский.

— В Запретном лесу? Вот чудеса! Мы видели вчера вечером в той стороне небесное знамение. Сияющий столб, подпирающий небеса. Думаю, весь Восточный Предел утратился этому зрелищу. С другой стороны, где-то за Драконьим хребтом тоже что-то творилось с небом. Оно треснуло как фиолетовый кварцевый шар. Так ты, моя госпожа, была к этому причастна?

Анна загадочно улыбнулась, набивая себе цену, но тут же вспомнила о Чарли и бедном чародее, и ее улыбка поблекла. Граф это тут же заметил.

— Наверное, кто-то сложил голову в этом походе? Ну что ж, гауптман Анна, я сделаю все, чтобы развеселить тебя сегодня. Я прямой человек и скажу, не таясь: мое сердце расплавилось в огне страсти, как только я увидел твои волшебные глаза. Будь же благосклонна к одинокому рыцарю.

Анна постаралась не замечать его наглой пятерни на своей коленке.

— А куда все же увезли моего человека. Что его ждет?

— Этого нахала? Я казню его.

— Послушайте, граф... ваше сиятельство, мой человек не хотел вас оскорбить. Он не знал, с кем разговаривает.

Вторая рука графа поднялась к груди девушки. Хорошо, что на ней был бронежилет. Ей удалось немного отстраниться от здоровяка, вытянуть руку. В следующий момент она с размаху ударила острым локтем ему в печень. Мужчина, ехавший расслабленно и занятый другим, совершенно не ожидал этого. Лицо его побелело от боли и злости. Он схватил девушку за горло и заставил прижаться лицом к его губам.

— Ты хочешь увидеть своего наглого пажа? Тогда не ерпенься. Так или иначе, ты все равно будешь моей. Я влюблен. Тебе стоит ответить мне взаимностью, гауптман Анна.

— Ты отпустишь его? — перешла на «ты» Анна.

— Сразу после свадьбы. Я знал, что ты согласишься. Волшебная искра страсти пробежала между нами. Я загорелся от первого же твоего взгляда. Ну, прижмись же ко мне.

— Меня будут искать, граф. Ты не боишься этого? Гнева яrlа?

— Будут искать девицу, а найдут мою жену. Кто скажет слово против благородного человека, восплававшего непреодолимой страстью и совершивший все по обычаю. Я мог бы заткнуть тебя на сеновал. Но я не таков. Ты будешь графиня Несельграде. Вот как поступает настоящий рыцарь.

Анна сжала зубы и постаралась думать только о вальтере и о том, какое выражение будет на лице графа, когда она всадит в его живот пулю.

— Вот и сладили, — проворковал жених и ласково прикусил ей ушко. Анна отчаянно сжала птичье навершие на своем мече. — Эй, бездельники, — вдруг заорал он, вставая на стременах во весь рост. — Скачите вперед, готовьте пир! Сегодня же будет свадьба!

А замок был красив. Он был не такой большой, как твердыня Капертаума, не было высоких башен над руслом реки. Но он был очень гармоничен. Белые известняковые стены, терракотовые крыши, два моста, один за другим. Синее озеро и дорога через фруктовый сад.

Даром времени никто не терял. Словно обитателям этого мира был отпущен совсем короткий век, и они ежеминутно помнили об этом. Анну сразу отвели в дальнюю комнату наверху. Передали в руки краснолицей матроны с объемной фигурой и выдающимся бюстом.

Две девушки споро раздели пленницу, тихонько посмеиваясь над ее штанами. Это было чудно, но Анна больше была обеспокоена судьбой своего оружия. Ее заверили, что все будет в целостности и сохранности. А мужскую одежду служанки обещали залатать и постирать. Она успокоилась, только когда пояс с мечом и пистолетом положили на лавку перед ней.

Принесли широкий медный таз. И Анна не стала артачиться. Не стоило отказываться от купания — после прошедшей ночи она была как поросенок. Девушка встала ногами в теплую воду. Служанки принялись обтирать ее тело мокрыми губками. Вот это было реально странно, словно она была ребенок или беспомощная. Но девушки воспринимали это как должное. Намыливали усердно. Затем ее обдали из кувшина, одна служанка встала для этого на стульчик. Вода пахла хорошо.

Принесли белое хрустящее платье. Анна, каждую секунду искавшая выход из этой западни, не могла не ахнуть. Это было чудное платье. Везде нашиты серебристые капли жемчужин. Пышные фонарики на рукавах, серебряные пуговички. Может, немного старомодное, но очень славное... Только вот сбежать в нем будет сложнее. С этим шлейфом... Ладно, ничего... Она его только примерит. Из чистого любопытства. Лишь ее оставят одну хотя бы на пятнадцать минут, она скинет его и рванет искать Франца.

Платье оказалось великовато. Швеи уже были наготове и принялись подбирать юбку внизу и перешивать крючки на спине. Анне поднесли зеркало на бронзовой ручке, но оно было чуть больше ладони, что там можно увидеть? Кусочек лифа, плечо... Одно расстройство, даже не полюбуешься на себя такую красивую. И фотографий в мобильнике не останется.

Появились туфельки, тоже беленькие, атласные. Они были впору. Подняли край юбки и шелковыми лентами привязали их к щиколоткам.

Матрона, руководившая процессом, тяжело опустилась перед Анной на колени, поставила на пол шкатулку. В ней оказались браслеты, расшитые бисером. По кругу крепились маленькие колокольчики.

— Это еще зачем? Как корове. Они же будут звенеть при каждом шаге.

— Вот еще новости, без этого никак, колокольчики страсти, — возмутилась распорядительница. — Муж снимет их с тебя утром.

«Муж!» — Анна прикусила губу.

Дальше все опять завертелось в бешеном ритме. Никаких пятнадцати минут у нее не было. Не было даже двух. Появился конвой или эскорт. Мальчики в белых курточках, с белыми плащами и в красных беретах. Эдакие мухоморчики.

Ее взяли за руки и вывели в дверь. Она только оглянулась посмотреть с сожалением на свой пояс. Эх, вальтер!

Спустились по ступенькам, и пажи заняли место за ее спиной.

Перед выходом мальчишки придержали ее за шлейф. Они ожидали сигнала. Потом кивнули — можно, пора... Анна осторожно вышла через арку. Навстречу ей раздался дружный рев одобрения. С балкона заорали медные трубы. Граф с грохотом отодвинул стул во главе пиршеского стола и пошел к ней. Он демонстрировал искреннее нетерпение жениха.

— Вот моя лебедушка, — крикнул он и схватил Анну за руку. На ее ногах предательски звякнули дурацкие колокольчики.

Граф обернулся вокруг, ища кого-то.

— Где этот треклятый служитель Ураш? Сюда его. Пусть начинает обряд!

— Как? Уже? Так скоро? А где мой оруженосец? — При каждом шаге Анны раздавался тонкий звон.

Подвыпивший жених потащил ее к возвышению, за которым стояло изваяние красной собаки. Точь-в-точь Тобби ее хозяйки Ковальчик. Только масть другая.

Из-за портьеры торжественно вышел высокий парень с бритой головой. Над глазами у него были нарисованы красные брови. Он поднял руку вверх, и зал затих.

Все ждали. Анна тоже отчего-то затаила дыхание. Вдруг откуда-то сверху на них упал красный луч света. Служитель закричал что-то заполошным голосом и закатил глаза. Воздел руки и облил их головы пряной жидкостью из плошки. Затем он извлек из рукава длинное

полотенце. Как уличный фокусник. Этим полотенцем он опоясал их с графом. Напевая какой-то речитатив, он завязал вышитые концы узлом.

— Да здравствует их светлость граф Максимилиан Несельграде и графиня Анна Несельграде. Да не оставит их создатель без потомства!

— Нет! Не оставит! — заорали гости. Зазвенели кубки над столом.

«И все, — думала Анна, — теперь я жена этого опасного живодера? Ну, нет. Пусть как угодно будет по их законам, и пусть думают что хотят, но для меня эта дребедень ничего не значит, и моя настоящая свадьба, когда она случится, будет только с моего согласия и на моих условиях».

Свадебный пир начался еще до появления Анны. Граф со своими гостями уже давно сидел за столом. Пока невесту готовили к выходу, они здесь времени не теряли. Перед девушкой стояло блюдо, с которого на нее печально смотрел поросенок с яблоком в пасти. От него осталась только несчастная обжаренная голова. Еще дальше привставший детина в каракулевой шапочке и стеганом жупане скручивал вопросительную шею лебедя. Птица, наверное, была главным украшением стола. На полу рядом с Анной стояла ваза, наполовину заполненная костями. В воздухе висел гул пьяных голосов. Был уже тот момент, когда все говорили со всеми.

Женщин на гулянке было немного. Они почти все располагались в конце стола. Ближе к молодым сидело несколько довольно пожилых мужчин. Все в бархате и шелке. Под их неотвязными любопытными взглядами Анна не могла даже притронуться к еде. В ее золотую тарелку ничего не положили, а самой тянуться к блюдам при таком всеобщем внимании было невозможно. Хотя есть очень хотелось. Несмотря ни на что.

Она взяла в руку золотой кубок. Слуга тут же налил в него темного вина.

«Напиться, что ли! Догнать жениха? Чем я хуже?»

Что еще здесь оставалось делать? Гул вокруг стоял просто невообразимый, и мысли в голове путались и без всякого спиртного. Граф пальцами в перстнях грозил напомаженному старику с поникшим носом.

— Вы не видели, какую я красотку отхватил. Посмотрели бы вы на нее в штанах! Какие ножки, какая попа!

Старик, к которому он обращался, криво улыбнулся, он скармливал кусочки ручному хорьку. Животное сидело прямо между тарелок. На нем было надето расшитое серебряными орлами сюрко.

— Нет. Никто не сравнится с божественной леди Пергалиной. — Какой-то рыцарь встал со своего места, хватаясь за плечи соседней. В руке у него было свиное ребро. Свои слова он подкреплял фигурами, широко изображаемыми в воздухе этим ребром. — Жена лорда Багтяни воистину — самая красивая женщина на всем пространстве от Гнилых Зубов до Эльды! Первая красавица Овечьих Холмов. Дама моего сердца, извольте узнать!

— Что за мерзкое название «Овечьи Холмы», — закричал рыцарь на другой стороне стола. — Я присягнул славному Дериду как королю Элендорта. Так и знайте! За Элендорт!

— За Элендорт! — заорали все. — За короля Дерика!

Анна стукнула пустым кубком по столу. Слуга опять наполнил его, при этом он налил на скатерть и облил руку девушки.

— Нет, за леди Пергалину, чьи прелести затмевают все! Я требую! — защищал даму сердца рыцарь.

Граф вскочил и вытаращил глаза.

— Могу поклясться своим годовым доходом, что ты лжешь! Лжешь! Господа! Господа, рассудите нас.

Он схватил Анну за руку и потащил ее прямо на стол. Она была в ужасе. Зазвенели кубки, расплескивая кровь вина по скатерти.

— На стол, детка. Все смотрите! — Он дернул за подол ее платья. Материя полезла по шву. — Смотрите, какие у нее ноги!

— Ну и что ноги! Ну, две ноги! Все? — пьяно возразил рыцарь. — Где же изгибы?

Граф полез на стол и с треском разодрал платье на бедре Анны. На нее он даже не смотрел. Он держал ее за плечо, чтобы было половчее орудовать, и показывал толстым пальцем на ее незагорелое бедро. Платье почти погибло и ничего не скрывало. Анна зажмурила глаза и прикрыла ладонью треугольник внизу.

— Видали! Это вам не изгибы?

— Грудь! Грудь! — кричали пьяные гости.

Граф с готовностью повернулся к молодой жене. Его рука потянулась к лифу.

— Да ты охренел, козел! — закричала Анна и вцепилась обеими руками ему в волосы на висках.

Молодожен взвыл и схватился за ее руки. Девушка ударила его коленом, не разбирая. Один раз, другой... «Ах, не так, Анна! Чему тебя учили?!» Она нацелилась в пах, но не попала. Граф отшвырнул ее от себя. Анна сгруппировалась, но не удержалась на столе. Места было мало. Она неловко упала на чьи-то колени, преобильно ударившись о столешницу боком.

Гости ревели в восторге. Да, это было чудесное зрелище. К тому же все это сопровождалось радостным звоном этих треклятых колокольчиков страсти.

Анна почувствовала чужую руку на внутренней стороне ноги и, недолго думая, ударила наглеца головой в нос. Вместе с обидчиком и его стулом она грохнулась на пол.

— Какова моя новая женушка! А! — Граф торжествующе расставил на столе ноги. — Горячая штучка! Что я вам говорил. Придется постараться, обкатывая такую сноровистую кобылку! Вот это будет ночка! А сейчас отведите ее в спальню. Эй, вы там! Я скоро ею займусь.

Анна пыталась подняться, длинное платье ей ужасно мешало. Она была в нем совершенно неуклюжей. Новобрачная оттолкнула ногой барахтающегося увальня, при этом разодранное платье позволило обнажиться всей ноге до бедра. Гости из дальнего конца стола вскакивали на свои стулья, чтобы ничего не упустить. Даже женщины.

Анна перекатилась на сторону и встала на четвереньки. Если бы у нее сейчас был ее вальтер...

Слуги с двух сторон подхватили ее за локти.

— Эй, граф, а как же наш уговор, — крикнула Анна. — Где мой человек!

— Это она про своего слугу, а представляете, как рьяно она будет защищать наших детей. Эта кошка любому глотку перегрызет, — провозгласил граф и спрыгнул со стола.

— Ах ты, ушлепок средневековый. — Анна попыталась дотянуться до него и пнуть его ногой. — Детей ему подавай!

Граф загоготал и кивнул своим слугам. Те потащили Анну к ближайшей лестнице. Она дернулась, но кто-то из холопов преобильно двинул ей кулаком под ребро. Девушка замерла, решила пока поберечь силы. Мужской гогот стал ослабевать.

Перед ее глазами проплыли ступени, высокая арка и сводчатый каменный потолок. Старик в ливрее дрожащей рукой отворил дверь. Сейчас ее запрут. Анна попыталась вырвать из тисков правую руку, но ее держали очень крепко. Она извернулась, целясь зубами в чье-то близкое ухо — и это не получилось. Ее внесли в комнату, не сильно и незлобиво отшвырнули в сторону и захлопнули тяжелую створку двери. Анна упала на пол. Толстый ковер поглотил звук. В нос ударил запах затхлой пыли.

Опять открылась дверь, впуская в комнату шум банкета и прямоугольник света, который упал на голую спину пленницы. Анна сжалась и повернула голову. Старый лакей в ливрее поставил на комод звякнувший поднос.

— Покушайте, госпожа, — произнес он.

Анна отвернула лицо к ковру. Дверь закрылась.

Она не плакала. Глаза ее были сухи. Вино пошло на пользу — в ней не было жалости к себе, лишь злость. Девушка села на колени и осмотрелась. Это была большая спальня, погруженная в полумрак. Только высокое окно освещало ее. Ночь была лунная.

Возле дальней стенки стояла огромная кровать с высоким изголовьем и резными деревянными столбами. На столбах накинута кисея балдахина. С потолка свисали тяжелые плюшевые полотнища с красными псами.

— Значит, это будет здесь. — Она встала и двинулась к кровати. — На этом сексодроме... Сейчас ее муженек наберется побольше вина и вспомнит о молодой жене. Ее вальтер и меч остались в той комнате, где ее нарядили в свадебное платье. Иначе она бы знала, что делать...

Анна вдруг опомнилась и подбежала к окну. Каждый ее шаг сопровождался трезвоном браслетов. Створки были распахнуты. Она высунулась в ночную тишину. За окном лежал старый запущенный сад. Но нечего было и думать убежать через окно. Слишком высоко. И до деревьев было не добраться. Анна вскочила на широкий подоконник и посмотрела вниз. Нет, это самоубийство. Она увидела крепостную стену и прилепившиеся к ней постройки. На стене в карауле скучал солдат в тускло поблескивающей каске с двумя козырьками. Ей послышалось, что где-то кто-то ругнулся по-немецки. Куда они могли запереть Франца? Девушка сорвала ненавистные браслеты и швырнула их в кусты.

Со стороны кровати раздался какой-то шорох. Анна замерла. У нее в голове промелькнула мысль о здоровенной серой крысе с розовым хвостом. «У них же здесь Средневековье. Антисанитария. Они должны тут быть везде». Но следом за шорохом послышался приглушенный голосок, и затем еще один.

Анна спрыгнула с подоконника. Звуки тут же прекратились.

— Кто там? — произнесла девушка. — Кто здесь прячется?

Бархатные портьеры закрывали ложе любви. Целый лабиринт полотнищ. Подвязанных и распущенных. Звук не повторялся.

— Ну-ка, покажись. — Анна осторожно пошла вперед. — У меня кинжал! Имей в виду. Она кошкой вспрыгнула на покрывало.

Горы подушек возле изголовья зашевелились. Из-под них появилась детская кучерявая головка. Темные глазки с испугом смотрели на Анну, каждую секунду готовые разразиться слезами.

Девушка тихо опустилась на кровать. Правой рукой она прижала разорванный бок атласного платья.

— Ты что здесь делаешь? — негромко произнесла она.

— Мы здесь прячемся...

— Ты здесь не одна? — Анна повернула голову. — Где же вы все?

— Мы здесь только с Себой. От папки прячемся. Вылазь, Себа. Она добрая...

Плюш колыхнулся. Возникла детская ладошка, а за ней перепачканное мальчишеское личико. Его брови были сурово сдвинуты.

— Ты не дерешься? — спросил он.

— Что ты, я никогда не бью детишек. Тем более таких милых.

— Я не ребенок, — сказал мальчик. — Мне уже семь лет. И я смотрю за Гердой. Ей только четыре.

— Ты наша новая мама? — спросила Герда.

Анна пожала плечами. Она протянула руку и запустила пальцы в светленькие шелковые кудряшки девочки.

— Ты красивая... А ты не умрешь? — спросила Герда.

Девушка отрицательно покачала головой.

— И не убежишь? — спросил мальчик. — Не убегай. Папка спустит собак, и они тебя больно покусают.

Анна обернулась к двери. Нужно было что-нибудь с ней сделать.

Комод возле двери, на который сердобольный слуга поставил ужин, выглядел достаточно массивным.

Анна уперлась в него двумя руками, и он, издав тоскливый звук, с трудом сдвинулся с места. Она подумала секунду, открыла ящики. На пол полетели какие-то носильные вещи, рулоны материи. Освободив ящики, Анна смогла придвинуть комод к двери. Даже Себа помог ей. Вещи Анна запихала обратно. К комоду присоединились два тяжелых кресла.

— Ну, детишки, теперь другое дело! — сказала она. — Еще бы хорошо мне переодеться во что-нибудь, вернуть мое оружие и Франца. А сейчас признавайтесь, кто здесь хочет есть?

Детишки радостно вскрикнули.

На подносе оказались полбока жирного гуся, хлеб и виноград. Дети жадно набросились на еду. Еще лакей притащил кувшинчик черного вина. Есть Анна почему-то не хотела, а вот вино ей пришлось кстати. Она налила себе кубок и с ногами забралась на постель. Девушка подсунула под спину несколько подушек и смотрела, как Себа и Герда уничтожают снедь на комодке. Глаза ее против воли начали закрываться. Она поняла, что совсем спит, когда на миг проснулась от того, что с двух сторон к ней прижались детские тельца. Она улыбнулась и обхватила их руками.

Среди ночи они проснулись от грохота. Кто-то ломился в дверь спальни. Дети спрыгнули с кровати и полезли под нее. Анна вскочила, готовясь к отпору.

Раздался пьяный голос графа Теодоро Максимилиана, кавалера всяких орденов с мечами и без. «Вот оно. Куда же бежать и чем защищаться?» Анна искала хоть что-нибудь. Под руку подвернулась только бронзовая масляная лампа. Сможет она оборониться ею от брачного нетерпения здоровяка? К счастью, дверь оказалась очень надежной, а комод — достаточно тяжелым. Граф постучал-постучал, отбивая себе кулаки и заставляя пленницу всякий раз вздрагивать, и убрался прочь, проклиная свою новую жену и суля ей всяческие кары. Его пыл некому было подогреть: приятели перепились и давно дрыхли где попало в огромном замке, слуги попрятались от господского сумасбродства, а он сам достаточно набрался спиртного, чтобы предпочесть где-нибудь завалиться спать и оставить разборки со строптивой женщиной назавтра.

— Эй, приятели. Где вы там? Все в порядке, — позвала Анна.

— Он ушел? — появилась кучерявая головка Герды.

Дети довольными зверенышами залезли на кровать и вернулись на свое место. Только что не урчали. Через минуту все крепко спали.

День начался со звука горна.

Солнце стояло высоко. Анна проснулась и села в кровати. Дети, пряча уши, зарывались в подушки, не желая просыпаться.

Из окна лил яркий солнечный свет. Занавеси поднимались свежим ветерком. Со двора раздавался шум. Звенело железо, слышался перестук лошадиных подков, сердитая ругань и смех.

Анна подошла к окну. Внизу граф залезал в седло на высоком черном жеребце. Вокруг него шли приготовления к какому-то военному предприятию. Солдаты разбирали копья и алебарды из пирамид, шумно строились в каре.

«Война, что ли? Что происходит?» — Анна увидела вчерашних гостей на лошадях. Один еще спал, сидя в седле. Оруженосец цеплял ему на пояс меч.

Знаменосец в блестящем шлеме и в куртке с полосатыми рукавами держал над головой графа квадратный флаг с красной собакой.

— Ты заперлась от меня, айдучка! — крикнул Анне муж. Он сразу увидел ее. — Ну, ничего. Сейчас я занят. Нужно проучить одного нахала. Баронет Мульчи возомнил себя бес-

смертным и охотится в моем лесу на Хромоногом кряже. Сейчас я оторву ему голову и вернусь к тебе, моя радость. Приготовься отведать моей любимой плетки.

К нему подскочил оруженосец и вложил в его металлическую перчатку с длинной крагой огромный меч. Граф поднял оружие над головой и угрожающе зарычал.

Анна отступила к портъере и с нетерпением ждала, когда ее новообретенный супруг убежится со двора со своей свитой и шумным войском.

Рыцари и солдаты толпой двинулись через ворота. Граф ехал впереди. Когда последний воин скрылся в арке, Анна бросилась к комоду.

Она спешила и отодвинула его совсем ненамного, можно было только едва протиснуться в дверь. К тому же комод производил дикий звук. Даже дети проснулись. Себя следил с кровати за ее действиями.

Дверь после ночного визита графа осталась незапертой. Анна подмигнула детям и высунула голову в коридор. По проходу шел мальчишка с сонным лицом. В его руках была ночная ваза. Запах был весьма определенный.

— Эй, ты, — позвала его Анна, сморщившись, — знаешь меня?

Парнишка кивнул и уставился на ее разодранное платье.

— Меня вчера снаряжали перед свадьбой. Где мои вещи? — Она взялась рукой за край ткани на боку. «Не хватало еще покраснеть».

Слуга испуганно помотал головой.

— Постой-ка. Оставь ты это... Тогда веди меня в ту комнату, где меня переодевали.

Комната оказалась рядом, на этом же этаже. Ее одежда исчезла, но ремень с мечом Биорков и кобурой лежал нетронутым. Было нелепо и невозможно нацепить его поверх платья. Анна накинула ремень на плечо. В дверь вошли дети. Герда сразу подбежала к ней маленькими ножками и протянула ручки. Это было так трогательно, что у Анны защемило в груди... но времени не было совсем — нужно было найти Франца. Пока граф с приятелями занимается вторгшимся в его владения соседом, есть шанс сбежать из замка. Потом может быть поздно. Лорд ясно дал понять, что разберется с Анной за то, что она его продинамила. Неизвестно, чего она страшилась больше, его гнева или расположения.

Она повернулась к слуге.

— Как тебя зовут?

— Граст.

— Давай-ка, Граст, соображай. Вчера привезли моего оруженосца. В таких синих штанах. Куда его могли упрятать?

Монетка, которую Анна достала из кобуры, смогла оживить его взгляд.

— Так во дворе... У ворот.

— Давай веди меня. — Она крутанула металлический кружочек в пальцах.

Двор был пуст. То есть там были какие-то люди, занимающиеся делами по хозяйству, но всех солдат и собутыльников граф увел с собой. Даже на крепостной стене не было вчерашнего караульного.

Вход в зиндан был в одной из пристроек у стены. Дверь была надежная, массивная, но повесить настоящий замок отчего-то никто не побеспокоился. Анна открыла темницу, просто вытащив из скобы металлический костыль. Франц был цел и сидел, прислонившись к стене, сразу за дверью. То, что казалось очень сложным, разрешилось мгновенно. Ни охраны, никого, кто возмутился бы ее самоуправством. Другое не давало Анне покоя. Здесь она не видела простого решения. Дети... Девушка все время чувствовала затылком их присутствие. Они ходили за ней как привязанные.

— Что это за платье на тебе? — хмуро спросил Франц, прикрывая глаза от дневного света. Даже теперь на его лице нельзя было увидеть и следов малейшего страха или опасения. Что за пацан! Ничто его не берет и не учит!

— Пришлось выйти замуж, чтобы тебя не вздернули. Ты, Франц, поосторожнее с языком, в этом мире его, не раздумывая, могут укоротить.

— Быстро ты... За этого краснорожего вельможу? А это что за дети?

Анна повернулась к Себе и Герде. Мальчишка подозрительно рассматривал нового человека. Сестру он отодвинул за спину. На веревочном пояске у него в простой петле висел нож. Франц вдруг улыбнулся мальчишке.

— Да, похоже, теперь мои, — сказала Анна. Она бросила Грасту монетку. — Давай, приятель, если найдешь мою одежду, получишь еще одну.

Паренек с готовностью кивнул. Франц проводил его взглядом.

— Этого подмазала, — сказал он. — А где все? Зомби их подрали?

— Драться с какими-то соседями поехали. Франц, пока есть время, найди себе оружие — посмотри по этим подвалам, я видела, у них где-то здесь должен быть арсенал. Они собирались на драку в этом дворе. Если раздобудешь лошадь, это будет фантастика, но вдруг... Я сейчас вернусь в дом. Там в моем жилете патроны и гребень той бабы-яги... Давайте, детишки, покажите мне, где у вас припасы... и подыщите себе одежду, нельзя же в одних рубашонках...

— Ты собираешься забрать этих детей с собой? Ты с ума сдвинулась...

— Не знаю, Франц. И оставлять их не могу. Я же все-таки офицер полиции. Ничего я не знаю. Поторопись.

Анна направилась по ступенькам парадной лестницы в главное здание. Себа и Герда побежали за ней.

Дети привели ее в кладовку при кухне. Анна нашла подходящий мешок. Не очень большой. Быстро наполнила его всякой готовой снедью: край хлеба, колбаса, сыр.

Потом вышла в зал. Здесь вчера проходила ее свадьба. Сейчас под закопченным высоким потолком почти никого не было. Только в высоком кресле возле незажженного камина спал старичок в блестящем камзоле. Пахло мокрым кострищем.

Стол был кое-как убран. Под ним слышалась возня собак. Наверное, дрались за вчерашние объедки

— Где же этот ваш Граст? — спросила она детей. — Мне нужны мои вещи.

Десяток узких высоких окон выходили во внутренний двор. Стекол в них не было. Только деревянные створки. Сейчас они были распахнуты.

Во дворе раздался шум. Заржала лошадь. Анна обеспокоенно подошла к проему. Армия графа возвращалась. Солдаты входили во двор, спотыкаясь и звеня амуницией. Алебарды на плечах, у других пики или вовсе топоры. Но большинство было совсем без всякого оружия. Вид потрепанный. Дворяне прискакали на лошадях. Болезненно оживленные, взвинченные. Одни бросились в арсенал, другие по лестнице к дому.

Время железом, в зал вошел чернявый офицер с большими вислыми усами. Движения его были нервны. Он сразу посмотрел в сторону массивного буфета. Там стоял, поблескивая тусклым серебром, большой сервиз. Рядом с буфетом был пузатый сундук, комод с позолоченным канделябром.

— Что случилось? — спросила Анна. — Граф Максимилиан вернулся?

— Спекся наш граф. — Усач бросил на Анну только один взгляд и подошел к мебели.

Девушка взялась рукой за разодранное платье. Нужно переодеться, а то у нее уже скоро нервный тик будет. Каждый раз хвататься за бок.

Воин стянул с головы подшлемник. Волосы были потные и спутанные. Следом он сбросил краги с рук. Их он уронил прямо на ковер. Его пальцы хватались за ручки и вытаскивали один за другим все ящички. Их содержимое он вытряхивал на крышку комода. Что-то звякнуло и покатилося. Герда вдруг заволновалась. Она выскользнула из-за спины, подобралась к комоду. Какие-то бусинки или стекляшки упали на пол, девочка принялась это собирать.

— Да что произошло? Что случилось? — спросила Анна.

— Граф Максимилиан поймал животом копье, — пробурчал офицер. — Наш чемпион хотел надрать задницу соседу, а обзавелся новой дыркой. Одно барахло! Где ценности?

Он повернулся к девушке.

— Где он держит золото? Быстрее! Сейчас здесь будет этот молокосос баронет со своими солдатами. Нужно делать ноги.

Анна начала закипать. Мародеров она раньше видела только в новостях, в жизни это выглядело еще хуже.

Усач увидел ползающую возле его ног девочку, дернул за руку, заставляя раскрыть ладошку. То, что он увидел, не заинтересовало его. В раздражении он отшвырнул Герду в сторону.

Теперь Анна рассвирепела. Небрежность его жеста к девочке была омерзительна.

— Так ты решил пожить? Вместо того чтобы готовиться к обороне. Ты разве не приносил присягу?

— Заткнись. Она будет меня учить. Лучше не нарывайся. Суверен мертв — мертвы и клятвы.

— Вот ты недоделок сидяписающий! А его дети? Кто их защитит?

Она перехватила ремень на плече и вытянула меч.

— Убери эту штуковину, шлюха. Порежешься. — Он даже не потянулся к своему оружию. Над комодом висел большой герб Несельградов: красный пес, держащий на плече алебарду. Офицер заинтересовался золотым щитом в его лапе.

— Ты сказал шлюха?! — Анна шагнула к нему и, не позволяя себе опомниться, рубанула его клинком по лицу. Рыцарь схватился за ухо и отшатнулся к стене. По его щеке и шее ручьем потекла кровь.

— Здесь дети графа беспомощные. Что с ними будет, если вы все разбежитесь. А ты еще и с собой хочешь что-нибудь прихватить. Ты называешь себя рыцарем? — Она прижала кончик меча к его шее под подбородком.

Офицер отвел руку от головы. Ухо повисло у него на лоскутке кожи.

— Где твои солдаты?

— У меня только оруженосец... Убери. Я только свое хотел взять. Граф мне за год должен.

— Если должен — заплатит. Я заплачу. А сейчас исполняй свою присягу. Или будь проклят. Рыцарь!

Она побежала к выходу. Меч в руке на отлете. Голый бок.

Офицер отшатнулся в сторону, когда Анна пронеслась мимо.

«А как ты думал. Я еще вас научу, как... — Она не знала, чему и кого она научит, но мысль эта билась в ее голове... — ...Я еще вас научу». Анна выскочила на крыльцо под балконом. Если она задумается хотя бы на один миг — все пропало.

— Лошадь мне! — крикнула она. За ней в двери показался рыцарь, свое ухо он держал в руке. Одного она уже точно чему-то научила.

Кто-то подвел коня. Анна, торопливо стуча бальными туфельками, сбежала вниз, вскочила со ступенек парадной лестницы на него. Все получилось удачно и ловко. Нога сама попала в стремя. Со стороны никто бы не подумал, что она только второй раз в своей жизни садится в седло. Не считая того, что в детстве ее катали на пони...

Анна ударила жеребца ногами, и тут же ей пришлось его останавливать уздой. Она сделала это слишком нервно и быстро, чуть не поставив животное на дыбы. Но со стороны выглядело это, наверное, очень эффектно.

Все во дворе смотрели на нее. В белом разодранном платье, с оторванным рукавом и мечом в голой руке, простоволосая, она была настоящей валькирией.

— Слушайте все, — крикнула девушка, гарцуя в центре солдат на горячем жеребце. — Если мы побежим, нас всех переловят и перебьют, и... сварят живьем в масле! Есть только один

способ остаться в живых: пока они не опомнились, мы дадим им отпор. Мы сейчас поскачем им навстречу. Вы не знаете, я ваша повелительница, графиня Анна Несельграде, и я из Пархима. Это новый город новых людей. Все слышали про него? Про наши чудеса? Так вот, это не сказки! Я раздавлю этого выскочку, как лягушонка. Я покажу вам, какой силой обладают новые люди. Если вы сейчас проявите отвагу, я не забуду этого. Каждый из вас будет рад своей судьбе.

Анна кричала эти слова, каждую секунду подвергаясь риску наверхнуться с лошади. Она увидела, что на площади появился Франц. Как раз вовремя. Он оттолкнул кого-то в сторону, впрыгнул на коня этого недотепы и возник рядом с ней. Сейчас его безрассудность была как никогда кстати.

— За Анну Несельграде! Или вы собираетесь жить вечно, засранцы!?

Франц выхватил пистолет и шмальнул в воздух. Еще раз и еще раз! Звуки в закрытом стенами дворе прозвучали оглушительно.

Конь под Анной сделал свечку. Солдаты оторопели. Чей-то щит зазвенел по камням.

Вряд ли изменить настроение солдат помогла речь Анны. Они видели, как бесславно погиб граф Максимилиан. Только что они сами испытали унижительное поражение и бегство. Хотя выглядела графиня эффектно: полуобнаженная, со сверкающим мечом Биорков, очаровательная и горячая... Но этого было недостаточно. Даже злые слова Франца не помогли бы — что им слова... А вот безоглядная уверенность новых людей и звуки! Оглушительные звуки огнестрельного оружия! Это сработало.

— За Анну Несельграде! — с восторгом заорали дворяне и солдаты.

Они опять собирали оружие, которое побросали, и спешили обратно через арку.

...Анна скакала во главе своего воинства по утоптанной дороге. Не оглядываясь. Она должна была выглядеть уверенной в том, что люди последовали за ней. Вокруг лежал яблоневый сад. Между деревьев стояли корзины с урожаем. Яблоки лежали на земле и в траве.

Они быстро приближались. Солдаты противника. Отряд, который на них ехал с холма, состоял из нескольких десятков всадников. Рядом с рыцарями бежали пешие воины с полосатыми древками копий, в кожаных шапочках.

«Только одного человека... я подстрелю только одного человека», — говорила себе Анна. — «Это нужно. Этим я всех спасу. И этих людей, и тех. Я спасу Себу и Герду. Солдаты обязательно испугаются пистолетных выстрелов и побегут восвояси — этим все кончится».

Анна достала вальтер и попробовала прицелиться. Держала его одной рукой, потому что боялась отпустить уздечку и свалиться. Рука ходила ходуном. Нет, так она обязательно промахнется. Нужно остановиться, но как теперь тормознуть эту чертову животину. Как бы не слететь вперед через ее голову.

Анна стала осторожно тянуть повод на себя. Ее жеребец сбавил ход, но не остановился. Она была уже не далее чем в пятидесяти метрах от противника. Было очевидно, кто здесь всем заправляет. В центре был высокий юноша или молодой мужчина в блестящих латах, с открытым забралом. Возле него оруженосец держал древко с красно-черным знаменем. С какой-то белой птицей.

Ее люди скакали сразу у нее за спиной. Она слышала перестук копыт.

— Прочь с моей земли! — закричала Анна. Она хотела бы договориться — таков был ее план, но жеребец легкой рысью нес ее к противнику. «Только одного человека», — повторила она себе. Отпустила бесполезные поводья, задержала дыхание и выстрелила, держа пистолет обеими руками, как в тире.

Первый же выстрел попал в цель. Но не в молодого рыцаря, а в его лошадь.

Животное заржало, попыталось встать на задние ноги. В следующий момент силы покинули его, выстрел был смертельный. Лошадь завалилась вперед, подмяя под себя своего седока.

Жеребец Анны прыгнул в сторону от звука выстрела и попал прямо в гущу врага. Перед ней мелькнули красно-черные одеяния на воинах. Ей показалось, что она в их руках. Сейчас ее схватят, убьют. Она заполошно начала стрелять в упор в эти чужие доспехи. Налево и направо. Стреляла, пока не опустошила всю обойму. Падали люди, лошади. Враг был в ужасе и смятении. Бешеная женщина в белом платье несла смерть и увечья из страшного оружия. Никто даже не успел на нее замахнуться мечом. Флаг с белой птицей упал на землю и был разорван копытами.

Ее воинство с диким улюлюканьем ворвалось в расстроенные ряды противника. Лязг и ржание. Крики боли. Анна схватилась за гриву и ударила ногами по бокам своего жеребца.

За пределами схватки она оглянулась. Разгром был полный. Прошло не больше минуты. На земле лежали трупы лошадей и людей. Горстка чужаков смогла вырваться. Бросив оружие, вражеские солдаты бежали по пашне к лесу на холме. За ними поскакал всадник с поднятым в руке клинком. Полосатый плащ красиво взвился за его плечами. Девушка поспешно отвела взгляд.

— Вы мой пленник! — кричал чей-то голос. — Протяните ваш меч или умрите!

Она потянула уздечку. Лошадь послушно развернулась к замку.

Сзади раздался частый топот копыт.

— Анна, Анна, что ты сотворила. Ты безумна! — Ее догнал Франц. В голосе его было не осуждение, а восторг. Она смотрела на его опущенную руку. На его меч, окрашенный кровью. Ее замутило. Господи, они все убийцы. Они преступники. Франц увидел ее взгляд.

— А, это... Я специально измазал его в крови лошади. Чтобы не косились. Пока я комплексовал... Эти наши солдаты, они резали им глотки от уха до уха. Ну, ты их накачала, как Геббельс. А я ничего не сделал — не успел. Но ты... Ты была как зверь! Я говорил, ты зажигалочка!

— Пожалуйста, Франц, вернись, останови это. Вели моим именем не добивать пленных. Я больше не могу... Там дети остались перепуганные. Бог весть, что там творится...

Франц пустил свою лошадь и проехал перед ней.

— Я все сделаю, ваша светлость. Сделаю именем графини Анны Несельграде!

Глава 21. Баррион

За свою жизнь Барриону несколько раз приходилось проезжать Щавелевую Гать. Он хорошо запомнил путешествие через это урочище. Первый раз он пересекал его совсем мальчишкой, когда вместе с отцом направлялся на свадьбу одного из Бернов.

Еще тогда Гать представлялась молчаливому мальчику как большое загадочное существо, распростершееся на их пути. Казалось, что оно пристально наблюдает за маленьким Фюргартом и его спутниками. Древнее, неизведанное и чуждое рассматривает быстротечное и светливое.

Сердце Щавелевой Гати составляло обширное верховое болото. Осиновые и ольховые стволы, фашины хвороста наваливались на болото веками. Веками ненасытная трясина проглатывала их. Вдруг проваливались целые поляны. Участки дороги, которые люди привыкли считать надежными, исчезали навсегда. Новую гать делали в обход, по краю болота и ближе к деревьям. Так появлялись пути, которые вели в никуда. Таких ответвлений становилось все больше, и постепенно они слились в настоящий лабиринт. Теперь он простирался на несколько дней пути.

Объехать Щавелевые болота можно было через владения лорда Дрохича, и это украдо бы у путешественника не меньше двух лун и обязательную дорожную пеню. Конрад Дрохич был в своем праве. Грех было не воспользоваться случаем и не сшибить звонкую монету. Вдали от королевской дороги добыть ее было так нелегко. Беспешинно пропускали только служивых людей Фюргарта и короля. Только львов и вепрей.

Издавна купцы, направляющиеся через Гать, останавливались возле камня короля Луитпольда Прекрасноволосого и ждали, когда накопится несколько подвод. Преодолевать самый сложный участок трясины лучше было засветло и в большой компании. Виной был не только сам лабиринт. Здесь иногда появлялись лихие люди, которые были не прочь поживиться за счет одинокой или заблудившейся подводы. Хотя таким было обычное свойство королевского тракта. Потому торговый люд всегда со страхом всматривался в угрюмые заросли на обочинах: не следят ли за путниками хищные глаза в ожидании поживы.

С тех пор, как на Овечьих Холмах появился удивительный город новых людей, движение по тракту значительно оживилось. Сначала потянулись купцы, а за ними разнообразные искатели удачи и приключений со всего Восточного Предела, даже из южных земель, лежащих далеко за Гнилыми Зубами.

На Щавелевой Гати случилось несколько отчаянных налетов на караваны среди белого дня. Купцы стали осторожнее и больше не рисковали проходить опасное место без охраны.

Баррион хорошо знал все это и ожидал обнаружить на подходе к Гати лагерь. И все же он был немало удивлен, когда выехал со своим отрядом из сумрака леса и увидел, сколько скопилось подвод у камня Луитпольда. Все пространство луга занимали костры и бивуаки.

— Никак не меньше сотни повозок, — сказал Утес, присвистнув. Он сделал то, от чего удержался Баррион. — Интересно, что заставило их скопиться в таком количестве?

— Наверняка разбойники пустили кишки какому-нибудь бедолаге, не готовому расстаться с мошной, — сказал весело однодворец Уго Стерн. — Что еще могло заставить овец сбиться в блеющее стадо.

Он пошевелил широкими плечами, поправляя за спиной выдающийся двуручный меч.

— Кишки? — проговорил, бледнея лицом, Текс.

Он переводил взгляд своих водянистых голубых глазенок с одного рыцаря на другого. Свою лютню он бережно прижимал к боку пухлой рукой.

— Хм. Их еще, бывает, для забавы развешивают на ветвях, — добавил с удовольствием Стерн, увидев ужас в глазах музыканта.

Баррион нахмурился. Как Фюргарт, он видел проблему в том, что дорога на Капертаум и Пархим становилась слишком опасной. Слухи распространяются быстро.

— Как бы здесь найти главного пастуха этого стада, — сказал он.

— Ну, это как раз не сложно. — Утес пришпорил коня и направился в гущу бивуаков, к самому большому шатру.

Остальные путешественники направились за ним. Мусс за спиной у всех отпустил оторопевшему Тексу подзатыльник, приводя того в чувство.

Рыцарь на большом коне двигался впереди отряда как безжалостный таран. Одним из таких, которым с одного удара крушат ворота в старых твердых. Воздействие, которое он оказывал на стоянку, было таким же впечатляющим.

С телег и фургонов соскакивали сонные возницы, из всех палаток выглядывали и выскакивали встревоженные люди. Купцы и их слуги, приказчики, менялы. Кто-то из молодых, увидев людей в доспехах, хватался за оружие. В основном это были колья, но блестяло и железо.

Детина в красной рубахе с широким воротом угрюмо встал на пути рыцаря. В ладони он сжимал грубый клинок в руку длиной.

— Меч однорукий кузнец делал, — сказал Утес, равнодушно посмотрев на парня. — Ну-ка убери, а то вместе с рукой отстригу.

Рыцарь толкнул знамя вверх и в сторону, позволив ему развернуться пошире. Красно-оранжевое полотнище зашелестело над головами у торгового люда.

— Флаг наших благодетелей! — воскликнул невысокий купец в богатом кафтане. Он вышел вперед и снял перед всадниками соболиную шапку. — Да продлятся дни славного ярла Дерика. Я вижу перед собой благородного рыцаря Барриона Фюргарта. Какое счастье. Нельзя и придумать большей удачи. Теперь можно перевести дух, рыка красного льва бояться все враги правды.

— Что случилось здесь, почему вы не идете через гать? — спросил Баррион.

— Я Еремей Вохальд, негодичант из Калле-Орта. По сердечному доверию торгового люда избран старшиной этого каравана. Не соизволит ли благородный сэр Фюргарт посетить мой скромный шатер. Вы сможете смахнуть дорожную пыль, подкрепиться и утолить жажду. А я с радостью поведаю господину об оказии, которая приключилась с нами.

У Барриона и его спутников приняли лошадей и провели к одному из лучших шатров становища.

Старшина купцов усадил Фюргарта на мягкие подушки и лично распорядился угощением знатного гостя. Баррион безразлично относился к пиршествам и угощался весьма сдержанно. От вина и настоек, к большому огорчению негодичанта, отказался вовсе.

Но спутники Барриона не стали упускать случая хорошо подкрепиться. Пока Риард Хонг с любопытством рассматривал убранство каллендийского шатра с зависшим в руке куском сыра, Утес и Стерн быстро разделались с курицей на блюде и уже ломали лепешку, чтобы макать ею в птичий сок, перемешанный с жиром.

— Так что задержало караван возле камня Прекрасноволосого? — спросил Баррион. Он видел, что купец с нетерпением ждет, когда можно будет излить Фюргарту свою досаду.

— Если ваша милость позволит. — Еремей Вохальд сделал знак рукой. Из-за занавесей появились еще два купца. Один сильно в летах, почти старик. Другой в самой своей лучшей поре: черноволосый и чернородый, с крепкой головой, как у бычка.

— Это торговые господа Зиновий Лурия из Чедера и Уно Кутасов из Эдинси-Орта.

Купцы поклонились. Баррион посмотрел в сторону своего оруженосца. Утес бросил недогрызенную птичью ножку в миску. Вытер руки о бедра и занял место возле Фюргарта на подушках.

— Если позволительно мне будет заметить, милорд, — сказал старшина купцов. — Война — злейший враг торгового человека.

Баррион поднял брови.

— О какой войне вы говорите?

— О всякой, мой господин. Всякая война есть зло. Если какие-то купцы и наживаются порой на этом, то через непомерно высокий риск. В случае же, если война происходит того рода, когда все воюют против всех, а к тому же со стороны на это смотрит сильный и хитрый враг, который только и ждет, когда ему вступить в дело, то торговля совсем умирает.

Баррион был удивлен этим вступлением. Речи купца из Каллендии были очень тревожными. Рыцарь сразу же подумал, что Еремей Вольхард ведет речь о каком-то замысле Сонетров. Это первое, что пришло ему на ум. Он сам тронулся в путь, чтобы предупредить яростный ответ лорда Стевариуса на гибель его сына и эрла — капитана королевской гвардии сэра Ишти.

— Вы можете указать, о каком враге вы говорите? — спросил Фюргарт.

— Господин Вольхард говорит о том, что в каждом благородном доме, в великом и малом, достают из арсеналов все оружие и доспехи, — сказал старик-купец, которого старшина назвал Зиновием. — Гарнизоны в городах увеличены вдвое против прежнего. На дорогах стало намного беспокойнее, хотя нельзя не проехать по королевской дороге и двух дней, чтобы не встретить людей с развернутым флагом и оружием. Вот и здесь раньше обоз в пять или семь повозок смело проходил через Щавелевую Гать. Теперь приходится собираться в двадцать и тридцать подвод — и этого мало. Надо нанимать за монету воинов или других охотников. А теперь знаете, что произошло?

— Чьих воинов вы нанимаете? — спросил с интересом Утес.

— Все больше из Кревских. Сквайры лорда Кейсута предлагают свои услуги, заправляет там сэр Гектор, — сказал чернобородый купец Уно Кутасов.

— Так что произошло? — спросил Баррион. Он видел, что Риард Хонг наострил уши при упоминании малых домов, ходящих под Хонгами.

— Они запросили две десятины товаром из Пархима, — воскликнул старик. — Это же просто... Раньше красной ценой было два серция с подводы, и то, если недавно случилась какая нехорошая история с разбойничками.

— Вы отказались?

— Мы же не в диких землях! Мы на землях славного Элендорта, пусть королевства давно и нет, под десницей Фюргартов!

Баррион видел желание купца умаслить его красивым словом.

— Мы отказались, — подтвердил и старшина Волхард.

— Чего же вы еще ждете? — спросил Баррион.

— Сквайр Гектор встал со своими воинами на окраине лагеря. Вон там, со стороны болот, торчит копьё с его дикобразом.

— Здесь со всех сторон болото...

— Они больше не торгуются и не уходят. Так и сидят на месте, — сказал Уно Кутасов.

Баррион внимательно посмотрел на молчавшего до сих пор купца. Где-то он уже видел этого круглоголового мужчину.

— Вы боитесь, что они возьмут свое без торга, — понял Фюргарт.

— Что же — умно, — добавил Утес. — Вы войдете на гать, и они запрут вас, как полный бочонок. Тогда они возьмут все.

— У них оружие... — обозный старшина искательно заглядывал рыцарям в глаза, — а мы только негоцианты. Вы же не допустите свершиться преступлению на землях Фюргартов?

— Сегодня... выходить поздно?

— Поздно, ваша милость, — с готовностью подтвердили купцы.

— Значит, выходим утром. Пусть все будут готовы. Ждать не будем, — сказал Фюргарт.

Он смотрел в сторону. Ему была неприятна угодливость, с которой негоцианты смотрели ему в лицо. Никакого преклонения перед его домом в этом не было. Только коммерческий расчет — сберечь монету на охране и на дороге. Но купцу свое, а льву свое...

— ...А пока пусть мой флаг разместят поближе к этому дикобразу. И к вечеру поставьте нам там палатку, — сказал Баррион.

Еще не закончился обед у Еремея Вохальда, как прибежал быстроногий слуга в черном тюрбане. На поясе у него висел кривой реиндольский нож.

— Уходят, — зашептал он, склонившись к голове старшины. Зашептал громко, с сильным акцентом народов моря, так, что всем было слышно без всякого усилия, несмотря на то, что танцовщица в газовых шароварах отбивала в звонкий бубен ритм в центре шатра.

— Да говори вслух, — поморщился на него Вохальд. — Уважаемые гости подумают неизвестно что. Кто уходит?

— Кревонцы уходят. Как флаг со львом увидели, собрались в палатке Дикобраза, а потом стали сворачиваться. Все-все уходят на восток. Путь свободен!

Вышли все же утром, как и планировалось. Опасный участок гати нужно было пройти одним рывком засветло. Угроза со стороны Кревских, судя по всему, миновала, и отряд Фюргарта занял свое место во главе обоза возле проводника. Еще в гати могла ждать разбойничья засада. Конечно, такая жирная добыча была лихим людишкам не по зубам, но они могли этого и не знать.

Вохальд особо подъехал к Барриону и попросил, чтобы перед обозом развернули красно-оранжевый флаг Фюргарта.

Сотни повозок растянулись на добрую лигу пути. День был ясный, тихий, но неровность дороги не позволяла возницам клевать носом. Слышно было со всех сторон только стук колес по стволам гати и понукание лошадей и волов.

Солнце уже перевалило за середину дня и неуклонно катилось на запад, куда сложными зигзагами двигался караван.

Из-за спины к Барриону тихо приплывали отдельные звуки лютни, без рисунка и мелодии, Текс ехал позади и нервной рукой дергал струны своего инструмента. Глаза распахнуты, на губах кривится улыбка. Купец на соседней подводе неспешно рассказывал сказку здешних краев, и лицо музыканта живо отзывалось на ее сюжет.

Фюргарт привычно не показывал своего интереса, но сам придерживал свою лошадь и вслушивался в нехитрую историю. Мужичок с круглой и лысой, как речной валун, головой вдруг оказался природным рассказчиком. Он играл интонациями, менял голоса, привставал на коленях, отбрасывая в сторону вожжи, и даже хохотал утробным голосом, изображая лесную ведьму.

— Сейчас солнце еще не коснулось деревьев, — вещал торговец. — И потому можно без страха говорить об этом. Но когда тени покроют гать, лучше не припоминать эту историю. Иначе болото вернет свои жертвы... Детей увели в лес и оставили их одних на большой земляничной поляне. Несчастный отец дождался, когда мальчик и девочка забудутся, собирая ягоды в голодные рты, и по кочкам ушел через болота...

Баррион слышал эту историю в разных вариантах. Нового здесь было только живое всепоглощающее болото, в остальном все то же: голод, новая жена и избавление от лишних ртов. Но рассказчик был хорош, мороз продирает по коже, даже его собственная лошадь косила карим глазом на своего хозяина и мотала головой.

Конец сказки все же был необычен. Ведьма и злая мачеха каким-то образом оказались одним и тем же лицом, а детям не удалось избежать гибели. После смерти они превратились в болотных мавок, подстерегающих одиноких путников.

— Риард, прокатись по каравану, — сказал Баррион своему новому оруженосцу. — Если где отставшие, подстегни их. Скоро вечер упадет, нужно будет останавливаться.

Мальчишка Хонг ехал сзади за подводой рассказчика и тоже с удовольствием слушал старую сказку, но с готовностью крутанул свою каурюю лошадку. Баррион улыбнулся его рвению уголками рта.

— Ну-ка, Тевон, — приказал Утес своему слуге, — и ты разомнись. Должна же быть и от тебя польза, негоже юному эрлу в одиночку мешочников поспешать.

Слуга грозного рыцаря немедленно отправился за Хонгом. На его лице даже появилась и исчезла быстрая гримаса облегчения.

Темнота упала на болота даже скорее, чем этого можно было ожидать. Когда оруженосец и Тевон вернулись к голове каравана, солнце уже зацепилось за деревья, и проводник выбрал дорожку, ведущую к темной стене леса. Здесь, возле скучных осин, было достаточно места, чтобы разместиться головным повозкам обоза. Остальным придется ночевать прямо на гати посреди трясины.

Подводы подтягивались в урочище еще долгий час. За это время был разбит лагерь. Повозки ставили вдоль деревьев. Накрывали джутом от вечерней росы. Разжигали костры.

Чернявый Мусс принес Барриону кубок травяного чая. Фюргарт отстегнул короткий оранжевый плащ. В надвигающейся темноте это было слишком яркое пятно. Звуки лютни, извлекаемые искусной рукой Текса, мягко покрывали людей, готовящих себе ужин и ночлег. Где-то далеко позади на дороге ржала лошадь.

— А ведь это здесь было, — сказал негромко купчик с голой головой.

Сказал как будто сам себе, но все спутники Барриона услышали. Уго Стерн ухмыльнулся и подмигнул замершему Тексу.

— Королевской дороги тогда еще не было. — Рассказчик увидел, что его опять слушают. — По Щавелевому болоту на подводах не ездили. Только пешком или на лошади, если бывалый человек... Жил тогда здесь такой народ — палещуки. Жили тем, что давали им лес и болото. Потом они ушли туда — на север. Ближе к Эльде, подальше от короля Луитпольда. — Он указал в сторону леса. — Дикая места. Болота, пролески, старые каприцы##1, первые твердыни.

##1 К а п р и ц а — башня или обелиск, возведенные в честь знаменательного события.

Все невольно посмотрели вслед за рукой. Там угрюмой спиной к костру и товарищам стоял Утес. Он что-то высматривал на небольшой просеке, уходящей от урочища на север. Его мохнатый черный конь объедал молодую ольховую поросль у деревьев.

Просека была проложена очень давно. Березки и осинки густо проросли через уложенные стволы. Над старой дорогой стояла мертвая тишина.

— Извольте отведать ужин, господин, — позвал Тевон.

Над лагерем Фюргарта плыл запах перловой каши с изловленным по случаю зайцем. Совсем недурной запах для прошедших целый день в седле путников. Рыцарь даже не пошевелился.

— Господин, — почти жалобно повторил слуга.

Голос его пресекся. Баррион остановил ложку с горячей кашей у рта.

— Что это там... бродит, — сказал негромко Утес. — Эй ты, знаток баек, иди-ка сюда ко мне... Что это там?

Купец на осторожных ногах двинулся к рыцарю. Округа лежала в сумраке. Наступал тот неуловимый краткий миг, когда сизые неясные сумерки превращаются в ночь. Где-то далеко на болотах кричала выпь. Огоньки костров горели у леса и на гати, делая темноту еще гуще.

Баррион встал и посмотрел сбоку от костра на просеку. Что-то там было... Он переступил через седло и пошел к Утесу и купцу. Спина купца была изогнута в боязливую дугу.

— Я вижу, — сказал Баррион. — Что это? Полурослики?

— Это дети, — прошептал мужичок. — Я говорил... Не надо было мне тревожить их...

— Ну-ка, ну-ка. — Баррион прищурился и боком пошел вперед по старым бревнам, поросшим мягким мхом.

Страшно ему почему-то не было. Места были глухие, низкие, совсем не похожие на родные и торжественные леса Капертаума. Но мысли о том, что за спиной у него на болоте — добрая сотня людей, и что вся его команда сейчас поднималась и бралась за оружие, не оставляли места для испуга перед нечестью. А вдруг и впрямь — полурослики... Сзади он услышал знакомые широкие шаги Утеса. Тот его быстро нагнал.

Баррион остановился. Впереди совершенно определенно стояли две детские фигурки. Они были достаточно близко, чтобы увидеть: это были мальчик и девочка... Они были одинакового роста. Головки у них были беленькие. Глаза смотрели на него... Страх все-таки проскользнул липкой рукой у Фюргарта между лопаток. Почему они молчат?

Утес выскочил у него из-за спины и быстрыми шагами покрыл расстояние, отделяющее рыцарей от детских фигур... или кем они были. Поросль на мгновение скрыла от Барриона Утеса, и он не видел, что там происходило. Кажется, дети пытались нырнуть в лес...

Утес возвращался. В руках он нес двух детей, шести-семи лет. Мальчик в сером зипунчике, девочка в сарафанчике. Оба в лапоточках. Глаза их были расширены от ужаса, синие губы сжаты.

Детей усадили к костру. Тевон сунул им в руки плоски с кашей, ложки, но дети словно не знали, что с ними делать. Они огромными глазами смотрели вокруг себя. На лица взрослых, по которым бегали оранжевые всполохи огня. На лагерь.

К костру подошел чернобородый купец Уно Кутасов. Он внимательно присмотрелся к детям.

— Вы чьи? — спросил он, присев перед ними на корточках.

Дети уставились на его густую растительность.

— Не бойтесь меня, я добрый дядька. Вы здешние?

— Ага, тутошние мы, — ответил, наконец, мальчик. — Тутэйшие. А живем на хуторе в Абалденке.

— Это — палешуки, — сказал купец, поворачивая лицо к Фюргарту.

— А здесь вы как оказались? Почему одни? — спросил Баррион и тоже присел на корточки. Так дети были посмелее.

— С отведок ехали, — сказал мальчик. — У сеструхи первой родился. В Рыгальях были на отведках. Телку отвели в подарок.

При упоминании подарка оживилась девочка:

— Зорку отвели в подарок Аринке. А утром до дому поехали.

— Хорошо, а родители где ваши?

У девочки по щекам сразу побежали слезы.

— Охота налетела — загнала в болото, в дрыгву... тятю и мамку потопила. Лошадь увели, Янку сестру, а мы спрятались, — ответил ее брат. Глаза у него тоже стали мокрые.

— Какая охота? — Баррион встал. — Когда это было? Давно? Сегодня?

— Сегодня... недавно. Лыцари черные на конях. Туда, к Рыгальям поскакали. — Мальчик показал на старую просеку, уходящую на север.

Баррион посмотрел на просеку. Темнота окутала лес по сторонам. Тени выползли на старые бревна. На небе слабо блестели первые гвоздики звезд.

— Не догоним по темноте, — сказал негромко Утес. — И проводника нет.

— Не догоним, если будем мешкать, — произнес Хонг.

Он стоял рядом и вопросительно смотрел на Фюргарта. Баррион нахмурился.

— Дети там сегодня были. Может, помнят дорогу... — несмело начал Тевон и осекся под грозным взглядом своего хозяина.

— Да вы что! — воскликнул Уно Кутасов. — Разве можно ночью. Мы завтра в полдень выйдем с болот, а вы полезете в самую глушь. На этих болотах могут жить одни палешуки.

Баррион угрюмо смотрел на север. На заросшую просеку. Он знал, что отец не одобрил бы. Из-за убийства Ишти Сонетра могла развязаться настоящая война. Ему нужно было направляться к медведям в Первый Уступ. У него самого было неотложное дело на западе. В Эдинси-Орте пропали Марта и его сын.

— Я знаю дорогу на Рыгали, милорд, — сказал свободный всадник Уго Стерн. — Оруженосцем доводилось бывать там. Должен был об этом сказать, хотя и не вижу достойной причины, чтобы снова ехать в эти дикие места. Мой меч принадлежит Фюргартам — вам и решать. Или пусть решает небо, как говорил мой старик.

Фюргарт не повернулся. Он знал, что опытные рыцари правы, а в мальчишке Хонге говорит юность, которая всегда болезненно ищет справедливости и возмездия. Может, он и сам еще мальчишка, но что будет с ним, если он начнет равнодушно отворачиваться от сиротских слез?

— Если мы мужчины и рыцари... — проговорил Баррион.

Небо перед его лицом вспыхнуло и распалось надвое. Дыхание у него перехватило, и слова застряли в горле. Над лесом, в точности над старой просекой торжественно поднимался бело-голубой столб. Прозрачное ночное небо свернулось белесым сиянием, как яичный белок. Вдруг из-за горизонта стали подниматься черные тугие тучи. На их фоне горящий столб сиял еще ярче. Зрелище было грандиозное и невероятное...

— Если это не ответ неба, — сказал Баррион, поворачиваясь к ошеломленным спутникам, то я не знаю, что еще нас вернет на путь рыцарства.

...Собирались скоро. Уно Кутасов больше ничего не говорил, только молча смотрел темными глазами и чесал пятерней в черной бороде, пока слуги сворачивали бивуак. Подъехали старшина обоза Еремей Вохальд и старик Зиновий Лурия. Кутасов начал им шептать что-то, показывая на столб и на детей.

Баррион взобрался на коня и ждал, когда можно будет тронуться в путь. Он не знал, сколько времени будет продолжаться это небесное знамение. И, положив руку на сердце, вовсе не было уверенности, что оно относилось к ним, но старая просека была освещена, как днем. Этим нужно было воспользоваться. Как знать, может быть, им будет сопутствовать удача, и к утру они вернуться на прежнюю дорогу на запад.

К нему подошел старик, купец Лурия. Руки он прятал в ночной плащ.

— Значит, дальше вы с нами не пойдете, благородный рыцарь? — спросил он.

— Мы прошли самый трудный участок. Завтра вы выйдете на открытую дорогу. Вас много, и никто не решится напасть на обоз.

— Так-то оно так, — мелко покивал старик. — Я, милорд, не о том... много я на своем веку видел людей с разными зверями и чудными созданиями на одежде и доспехах. Все они называли себя рыцарями. Ради славы и чести они готовы были рисковать своей шеей на шумных ристалищах. Могли сложить голову за один цветок дамы сердца. Меч поверженного врага для них был самой желанной наградой. Только не видел я еще, чтобы из-за сермяжных ребятишек они сворачивали со своего блестящего пути и лезли в трясины.

— Ну, значит, тебе, старик, не повезло, — холодно ответил Фюргарт.

Он помнил еще, что если бы не удивительное событие на небе, он мог и сам миновать старую просеку. Детей, конечно, они бы не бросили. Пристроили куда-нибудь...

Баррион кивнул свободному всаднику Уго и дернул узду своего коня. Нагонят. Нужно было ехать... из-под острого взгляда старческих слезящихся глаз.

Как объяснил Уго Стерн, до Рыгали было несколько часов пути. И дорога здесь была только одна. Если, конечно, всадники охоты не были бесплотными духами, способными передвигаться подобно туману над трясиной.

Детей посадили к себе на седла толстый Тевон и слуга Барриона Текс.

Мальчик, который ехал у Текса, тихо рассказывал ему о дикой охоте. Бард с интересом слушал крестьянского ребенка. Наклонился к его светлой головке и задавал вопросы. Наверное, сделает потом из этого еще одну песню...

До Барриона долетали отдельные фразы.

— Мы хотели идти по дрыгве, мы легкие и не провалимся. Но ночью на болоте сидят рапухи. Если попадешься — высосут кровь. Всю до капельки, и будешь белый, как брюхо ужа, а то и помрешь...

— Рапухи?

— Страшные такие. Пучеглазые и рты большие. Ночью в деревню могут заползти, потому детям с вечерней зорькой нужно на полати идти, а на трясине рапух полно. Там их дом родной.

— А что про охоту... ты сказал, это были черные рыцари? У них были рисунки на одежде?

— Это дикая охота короля Витовда, — отвечал мальчик шепотом. — С ними ежели повстречаешься, то совсем пропал. Спасу от них нет, потому как они сами уже мертвые...

— Это старая легенда Северо-Западного края, — сказал Барриону Уго Стерн. — Королем Витовдом палешуки называют Барриона Окаянного.

— Далеко еще до Рыгелей? — спросил его Фюргарт.

Впереди черной стеной выплывал очередной поворот просеки. Сияние на небе становилось как будто слабее. Далеко на востоке за Одиноким Малышом была окрашены фиолетовой кляксой обширная область неба. Это было очень странное начало рассвета и совсем не по времени.

— К утру будем. Я знал, что мы не сможем нагнать банду. Даже если у них был только час в запасе...

— А ты думаешь, это были разбойники?

— Кто-нибудь из местных сквайров шалит, милорд. Бедность, скука... Девчонку украли и лошадь увели. Не призраки же.

На рассвете фиолетовые кляксы на востоке и светящийся столб впереди угасти вместе со звездами. Дорогу и болото вокруг нее укутал густой, как кисель, ползущий туман.

К деревне они подъехали все еще погруженные в этот туман. Лошадь Барриона тонула в нем по брюхо. Впереди выплыли темная полоса тына, стог сена и хата с камышовой крышей. Перед тыном горел на палке пучок соломы, не в силах оранжевым пятном отодвинуть стену тумана.

Их встречала толпа крестьян. В руках у них были колья и вилы.

— Едут! Едут! — раздался возглас. — Крепче, други. Вместе. Покончим с охотой!

Утес поспешил вперед. Толпа крестьян отшатнулась назад, попятилась босыми ногами по пыльной улице. Очень страшен был этот огромный рыцарь на черном мохнатом коне.

— А-а-а, затопчет, ребята. Пропали мы!

— Заберет душу. Утащит в дрыгву!

— Не трусь! Сам пришел, айдук проклятый. Когда еще так сvezет. Сейчас мы его подыдем за ребра. Крепче держи вилы.

Утес выше поднял знамя с красным львом. Но и меч у него уже был в другой руке. Страшный и блестящий даже в этом неверном утреннем свете.

Уго Стерн с двуручным длинным мечом за спиной ехал следом.

— Дядя! Дядя! — закричал мальчишка с седла слуги Текса. — Это я — Вацусь! И Алелька здесь! Это добрые лыцари!

Толпа ахнула и изрыгнула из себя высокого тощего парня с соломенными волосами.

— Ты? Вацусь? — Крестьянин с сомнением всматривался в силуэт всадника.

Мальчишка извернулся ужом и соскользнул с лошади Текса. Тевон спустил на дорогу в пыль его позевывающую сестру. Со сна она ничего не понимала и пустыми глазами смотрела на мужиков с кольями. Брат дернул ее за руку и потащил к худому парню.

— Лыцари! — облегченно загудели крестьяне.

— Это Фюргарты! Это красный лев Фюргартов. Дурни, смотрите, на кого вы вилы подняли. Это лыцари Фюргартов.

Толпа расступилась. Вздохнула облегченно, хотя некоторые крестьяне и смотрели еще с прищуром на заезжих воинов. Ну, Фюргарты, и что?.. К чему они пожаловали? Вилы, правда, опустили зубьями долу.

Баррион в блестящей кирасе, поручах и поножах ехал сквозь толпу. Крестьяне смотрели на него, снимали с голов серые мягкие треухи.

— Вишь, конь хвост поднял. Роняет яблоки. Где ты, дура, видел, чтоб призраки опра-влялись...

— Да это принц! Принц лыцарь, защити нас от дикой охоты. Мочи нашей терпеть дале нет!

Утес увидел, что крестьяне успокаиваются, и положил лезвие меча себе на колено. Окруженные крестьянами путники проехали на погост. Здесь стояла изба сельского старосты и висела на дереве рында. Согнутая лошадиной дугой пластина рыжего металла на веревке.

К рынде вышел смурной мужик в льняной куртке и овечьей шапке. В руке у него была толстая витая плетка. Он протянул к железке руку с плеткой, но бить в нее не стал. Крестьяне примолкли сами. По высокой шапке мужика можно было понять, что это был староста или другой начальственный человек.

— Я Баррион Фюргарт, — сказал рыцарь. — Это мои люди. Мы нашли ваших детей на старой вырубке возле Щавелевой Гати. Разбойники убили и ограбили их родителей...

— Дикая Охота, — выдохнула толпа при этих словах.

— Похоже, они направились сюда, — продолжил Баррион. — Вы видели их?

— Они проскакали ночью по улице, пан лыцарь, — сказал староста. — Ворот у нас в деревне нет, загородку поломали и проехали. Последний дом на краю деревни подожгли. Бобыль там жил с матерью-старухой. Сгорели они. Мужики успели от красного петуха деревню оберечь. Раскатали избу их.

— Защити, лыцарь, от Дикой Охоты. Нет мочи — пропадаем всем обществом, — крикнул кто-то несмело в толпе.

— Так это не впервые? — спросил Утес.

— Вся округа бедствует от этой напасти, — сказал староста. — За грехи наши...

— А что же констебль? — спросил Фюргарт.

— Так... не доехал покуда до нас пан Гук. Везде охота короля Витовда скачет. Не уго-нишься.

Баррион знал, что так выйдет. Потому и медлил на Щавелевой Гати с решением. Мало было погнаться за разбойниками. Обязательно увязнешь в местных проблемах. Но теперь так, ни с чем, уехать было нельзя...

— Дайте мне проводника к твердыне вашего лорда. — Баррион напряг память. — Как его... Матюшарда... Войцеха.

— Пана Матюшевского, сэръ лыцарь, — поправил его староста. — Только пан Войцех помер. И его Дикая Охота нагнала. Теперь наш господарь — пан Кастусь. Кастусь Матюшевский. А проводника дадим, как не дать... на то наша служба.

Дорога до замка Матюшевских, который проводник называл «Гнездо», заняла весь остальной день без остатка. К слову сказать, местность стала более подходящей для путеше-ствия верхом. Болота по-прежнему никуда не пропали, они чередовались с лесами и пролес-ками, но сама дорога стала значительно лучше. В низких местах она была подсыпана, осушена

траншеями, а иногда встречались участки, замощенные круглыми речными камнями. Видимо, в прежние времена у хозяев этого края еще водились деньги и были амбиции. Раза два на обочине попались верстовые камни. В узоре известки можно было различить изображение остатков герба с двумя ужами. Баррион никогда раньше не встречал этот знак своего тезки — несостоявшегося короля Барриона Окаянного. В древности, когда еще предания о тех событиях волновали кровь хронистов, его герб даже вымарывали из книг.

Два раза за этот день на их пути повстречались небольшие селения. И здесь тоже жили люди. Барриона всегда удивлял этот простой факт: люди неуклонно проникали во все уголки ойкумены. Обустроивали свою жизнь, рожали детей. Что ими двигает? Чем они живы? Здесь, вдали от королевской дороги и больших городов. Вдали от событий, которые волнуют все королевство. В этой непробудной скуке...

День выдался пасмурный, низкие сиреневые булки облаков цеплялись за синие верхушки елок. В окрестных полях тоже маревом висела какая-то сизая тоскливая пелена. Спутники Фюргарта смотрели по сторонам невесело. Барриона все время одолевали сомнения, что, вероятно, не следовало поддаваться порыву и погружаться в трясину обыденности Северо-Западного края. Он напоминал себе про небесный знак, но днем вся эта история воспринималась иначе.

Отряд остановился на короткий привал у озерца с черной водой и рыжими кочками. Мусс занялся костром, а Утес сразу свистнул своего Тевона, и они скрылись за еловыми ветками. Тевон был метким стрелком и удачливым охотником, чего нельзя было заподозрить, глядя на его бочкообразное тело и вечно испуганное лицо.

Баррион даже не спустился с седла. В задумчивости он поехал по топкому краю озера. Лошадь безжалостно топтала пушистую сосновую поросль.

Он заехал за край ельника и поднял глаза, услышав сорочью трескотню.

В один миг что-то случилось с его глазами. Он был верхом, но видел все словно от самой земли. Короткая теплая волна прошла по всему телу, как иногда бывало с ним перед тем, как он погружался в сон.

Баррион не понимал, что происходит. Он чувствовал себя другим человеком, каким-то иным рыцарем. Этот рыцарь лежал на мягкой болотной земле, как на ложе, был смертельно ранен, тело уже не повиновалось ему, и душа покидала тело. Глаза смотрели вперед на открытое пространство над болотными кочками, над черной водой. Там плавно скользили среди желтой травы, а может, над ней, всадники на бледных лошадях. Их была дюжина или больше, двигались они бесшумно. За их спинами развивались черные плащи, руки лежали на поводьях. Оранжевый закатный свет струился из-за их фигур и смазывал мелкие детали. Они скакали и скакали по болоту... целую вечность...

«Я умер и ухожу, — равнодушно подумал Баррион. — А это — мои проводники...»

Сзади за спиной раздался треск ломаемых сучьев. Звук этот прозвучал громко, как от падения целого дерева. Он словно разодрал страшное видение на болотном гобелене, на торфянике остались лишь вытянутые тени.

Баррион вздрогнул, кровь двинулась по онемевшим членам. Он не видел больше перед собой всадников. На том берегу шевелили синими ветвями острые ели.

Баррион с трудом повернул одеревеневшую шею. Из ельника выехал Утес, рука его отодвинула в сторону колючую ветвь. Глаза товарища смотрели в глаза Барриона.

— Охота... — проговорил Фюргарт.

Больше ему нечего было сказать, он опять понимал, что сидит в седле своей лошади, и на открытом пространстве впереди никого нет.

Оруженосец увидел, как Фюргарт бледнеет лицом и заваливается набок. Его крепкая рука предотвратила падение Барриона.

Они возвращались в лагерь. Утес ехал рядом с Фюргартом, готовый опять схватить господина за плечо, но он видел, что лицо рыцаря опять порозовело. Никаких вопросов он не задавал, а Баррион не смог бы решиться задать свой: видел ли оруженосец что-нибудь, когда нашел его там...

— Нужно бы вам, милорд, подкрепиться, — сказал Утес, вытаскивая и протягивая ему фляжку. — Когда вы последний раз ели?

Баррион вскинул голову, делая два глотка обжигающей раки.

Замок Матюшевских стоял на высоком холме над медленной рекой. Он был сложен из грубо обтесанных каменных блоков черного и серого цвета. Крепостная стена была полуразобрана и осталась только со стороны въездного моста. Ворота тоже отсутствовали, но стояли две сторожевые башни, между которыми они когда-то находились. По всему облику замка, по его приземистости, по крепкой простоте сразу угадывалось, что строили его в незапамятные времена, в бытность четырех королевств, а может, и еще раньше.

Путники проехали между башнями, поднимая вверх головы. На одной башне висел герб с белой длинноносой птицей: красный клюв и ноги. Короны над головой нет, вместо нее три серебряные звездочки. На другой башне барельеф был некогда сбит, и сейчас можно было только угадать следы герба короля Окаянного.

Дорога на холм шла через запущенный сад, только возле самых стен замка, рядом с широкой каменной лестницей в пять ступеней деревья были подстрижены. Это еще больше усиливало впечатление общей заброшенности усадьбы.

Но замок был жив. Все немногочисленные окошки и проемы светились живым теплым светом. Возле стен горели жаровни, ступени были освещены факелами. Внизу под круглой стеной башни белел зев декоративного грота. В нем была устроена коновязь, и она была вся заполнена лошадьми.

Появились слуги и приняли коней путников. Барриона попросили проследовать наверх по лестнице.

Фюргарт переглянулся с Утесом. Их как будто ждали. Может, староста послал вперед посыльного, а может, их с кем-то перепутали.

В сопровождении двух своих оруженосцев Баррион поднялся по ступеням на широкую подкову верхней площадки.

Здесь слышна была музыка струнных инструментов и рожков. С двух сторон от прохода в стене свешивались узкие красно-белые стяги.

В дверях музыка стала громче. Рыцари вошли внутрь, вступив в пятно яркого света на каменном полу. Перед ними предстал вместительный зал с высоким потолком, который не угадывался при взгляде на здание снаружи. Везде горели огни светильников. В зеве большого камина под веселую мелодию плясало жаркое пламя. Ближе к одной из стен стоял длинный стол, и за ним сидели десятки разодетых мужчин и женщин. В центре зала молодые люди танцевали быстрый танец. Звонкая музыка заглушала шарканье и стук обуви по каменным плитам. Они попали на пир.

Баррион стянул с головы промокший от пота войлочный подшлемник и оглянулся вокруг. Утес стоял буквально как скала, равнодушно взирая на празднество с высоты своего недостижимого роста. Его нисколько не заботило, что он был в походной одежде, с грязным плащом за спиной.

Риард Хонг во все глаза смотрел на танцующих. Среди них было немало прехорошеньких молодых девушек. Совершая фигуры, рукой они придерживали край платья, да так, что были видны туфельки на каблуках и незагорелые икры ног. Вот тебе и дикий Северо-Западный край.

Юноши были в шерстяных дублетах, с вышивкой гербов по канве, в ярких рейтузах и остроносой обуви. На поясах — только маленькие церемониальные кинжалы. Такими только орехи раскалывать.

— Пожалуйте, пожалуйста, панове. — К вошедшим приблизился господин в черном блестящем жакете с белым воротником. — Осмелюсь представиться: каштелян его светлости Самусь Кривицкий. К вашим услугам. Прошу вас пройти к имениннику.

— Вот как, — сказал Утес Барриону, — с болота прямо к жареному гусю. Удачно.

Фюргарта провели через танцующие пары к длинному столу. Пары прерывали пассы руками и ногами, расступались и оглядывались на звон его поножей и на оранжевый плащ. Еще большее впечатление производил Утес, следующий за своим господином.

Управляющий тихонько взял Барриона под локоток, что слегка его позабавило.

— Вы может быть уже наслышаны про наши напасти: я говорю про Дикую Охоту. Но прошу вас, сэр рыцарь, не беспокойте именинника, он слаб нынче здоровьем...

Во главе стола в кресле с высокой спинкой сидел мальчик с бледным лицом и темными глазами. На голове у него была бархатная шапочка с павлиньим пером сбоку, пристегнутым красным камнем, под шапочкой — светлые короткие волосики.

При приближении Барриона мальчик слез со своего места и поспешно протянул руку в парчовой перчатке.

— Очень рад, милорд, — сказал он ломающимся голосом. — Это большая честь для меня. Фюргарты очень редко посещают своих вассалов Матюшевских, а может быть, и никогда...

— Так случилось, сударь, — сказал Баррион, усаживаясь в предложенное кресло подле правой руки именинника, — что я направлялся на запад по воле моего отца ярла Дерика. Близ Шавелевой Гати мы нашли двух местных ребятишек. Они потеряли своих родителей...

— И славно, милорд. — Возле плеча парнишки склонился каштелян и со значением посмотрел на Барриона. — Этот случай привел вас прямо в Гнездо Матюшевских на празднование совершеннолетия пана Кастуся. Воистину говорится, случай — это настоящее прозвище Создателя.

— Вот как, вам исполнилось четырнадцать? — повернулся к имениннику Баррион.

— Через одну луну исполняется, — опять вмешался каштелян. — Так повелось, что сие событие в роду Матюшевских отмечают заблаговременно.

— Из опасения, что Дикая Охота помешает... — добавил мальчик.

Он во все глаза рассматривал Барриона. Его доспехи, меч и серебряных львов на дублете.

— А скажите, сударь, Капертаум и Первый Уступ — большие города? — спросил он.

— Да. Но Пархим и Эдинси-Орт еще больше.

— А правда это, что там на улицах всю ночь горят огни?

— В Эдинси-Орте... Королевский холм и Портовая улица, пожалуй. Пархим совсем особое поселение. Площадь возле ратуши залита удивительным голубым светом. На Эльде на сторожевых башнях стражники порой включают большие фонари, называются прожекторы, тогда в лесу за пол-лиги видны на деревьях листочки...

— Вот бы увидеть все эти чудеса... — сказал мальчик.

— Увидите, пан Кастусь, — сказал каштелян, заботливо поправляя шейный бант на бархатной курточке мальчика. — Вступите в силу и поедете посмотреть на столицу. И нам, дурням, еще расскажете.

— А где это мой славный Кастусь?!

В зал ворвался высокий и грузный господин. Его окружал десяток сквайров, за ними следовали, деловито все обнюхивая, рыжеглазые пойнтеры с обрубленными хвостами.

— Вот он, смотрите все, господа, какого хозяина края я вам выпестовал. Кровь с молоком!

Кастусь Матюшевский встал со своего кресла. На худеньком личике появилась слабая улыбка.

— Это — Базыль Гук, — проговорил каштелян негромко. — Наш констебль и опекун пана Кастуся. — Подвинувшись совсем близко к плечу Фюргарта и еще понизив голос, он добавил: — Приходится ему сводным дядей. Бастард, видите ли...

Баррион нахмурился. Это указание на особое свойство нового гостя задело что-то в его душе. Раньше он не придавал бы этому факту такого значения.

Констебль между тем скоро и шумно шел к племяннику, сердечно раскрывая широкие объятия. Одежда на нем была облачением воина, только свободные рукава были перетянуты серебряными кольцами. Музыка прекратилась, танцующие дамы и кавалеры поспешно убирались с пути рыцаря.

— Дай-ка я тебя обниму.

Он подхватил мальчика и легко оторвал от пола.

— Ого-го, каков шляхтич вырос! Молодой витязь! Будивид! А что я привез моему дорогому племяннику на совершеннолетие! Ну-ка! — Констебль опустил именинника, словно достаточно его взвесил, и обернулся к входу. Ударил в ладоши. — Вносите! Где она?

Двое молодцов потащили к лестнице большой прямоугольный предмет, затянутый в дерюжку. Чувствовалось, что вес эта штукавина имела немалый. Подарок подняли вверх на несколько ступеней, чтобы всей ассамблее было видно, и разорвали покров. Перед публикой предстала большая картина в массивной раме из переплетенных золотых листьев.

Это был портрет. На нем по грудь был изображен рыцарь в серебряном панцире, светлые волосы с непокрытой головы опускались на широкие наплечники. С грозным прищуром рыцарь смотрел в зал на онемевшую публику.

— Ага! Ну, что? Не узнаешь? Конечно! — воскликнул Базыль Гук. — Откуда?! На герб смотри. Это славный пращур твой, а заодно и половины местного шляхетства — лыцарь Матюш. Рыгор Матюшевский! Что вы все онемели, куриное семя. Мальчик должен помнить своих славных предков... Так добрая ассамблея собралась, сейчас мы посмотрим, кто посмел не прийти на торжество моего племянника.

Он остановился в центре зала. Под его ногами лежал мозаичный герб с долгоносой птицей. Констебль по-хозяйски обвел все собрание своими жгучими глазами. Было видно, что этот человек привык к вниманию и безусловному уважению своей персоны. Разве был он здесь не самый видный и осанистый шляхтич?

Мужчины отвечали ему почтительными взглядами, наклоняли стриженные головы. Дамы приседали в легком полупоклоне.

Тут глаза мужчины встретились с фиолетовыми глазами Фюргарта. Лицо его вдруг стало вопросительным. Барриону даже показалась, что он на миг растерялся. В следующий момент констебль уже шел к нему.

Шляхтич подошел почти вплотную к Барриону. Лицо его изображало одновременно радушие, почтение и сдержанное собственное достоинство.

— Сэр Баррион, — он ударил себя по пластине грудного доспеха, — приветствую вас, милорд, в Северно-Западном крае. Какая честь для нашего скромного собрания. Преданный вассал славного дома Фюргартов Базыль Гук ждет ваших приказов.

Баррион подивился, как скоро констебль сориентировался, кто перед ним. У этого человека должен быть острый и быстрый ум.

— Как недоставало нашему захолустью такого блестящего лыцаря. Образца для подражания молодежи. Мы тут совсем одичали в наших болотах. Извольте видеть, ясновельможный пан, как по-простецки мы веселимся: крепкое вино и незамысловатые пляски под гудок...

— Главное, чтобы кровь в жилах играла, — сказал Баррион. — И сердца были открыты. И будет добрый праздник.

— Слыхали, господа, мудрые слова чистосердечного мужа! Воистину ясновельможный пан, поднимем кубки за здоровье нашего господаря Кастуся Матюшевского, пусть меч в его деснице верно служит долгие годы красному льву! Судьбы и славы! Желаю все в его руки! Здравия!

— Здравия! Здравия! — закричало собрание.

Кубки в руках поднялись в воздух и были опустошены. Констебль с силой припечатал свой сосуд об стол. Он повелительно поднял руки с серебряными обручами и хлопнул в ладоши. Музыканты ударили по струнам, а Гук отвернулся к своим подручным и стал отрывисто им что-то говорить. Вниманием Барриона опять завладел молодой Матюшевский. Тот принялся расспрашивать его о чудесах новых людей. Не такие уж неотесанные были эти дворяне. И их интересовали события за пределами их болот. Соседи по столу очень внимательно слушали Фюргарта.

Баррион, как всегда на публике, почувствовав общий интерес к своим словам, начал говорить кратко, только по делу, отбрасывая всякие эпитеты. Словно отдавал рапорт. Через три или четыре человека в своем ряду, как раз напротив места, где посадили Хонга, он краем глаза заметил на праздничной одежде одного из гостей желтый и белые цвета. Это привлекло его внимание. Цвета были более привычны для Благодатного края.

Между прочим подошел управляющий каштелян, который сообщил Фюргарту, что его люди накормлены и прекрасно устроены на ночлег во флигеле.

Баррион поблагодарил и опять взглянул направо, чтобы рассмотреть получше наряд кавалера — не ошибся ли он. Но, видимо, ошибся: сплошь красное и белое да надраенная сталь и кожа.

Празднество было в разгаре, шумная музыка была не столько искусна, сколь удобна тем, что перекрывала гомон подвыпившей местной знати. Один голос все же смог возвыситься настолько, чтобы быть услышанным во главе стола:

— Почему пан Матюшевский так скверно обходится со своими гостями? Мы славим его, пьем его здоровье, а он даже не поднял свою чарку!

Мальчик сполз со своего высокого кресла, вытянулся перед столом и поднял в руке стеклянный кубок с красным напитком.

Гости за длинным столом приподнялись, в ожидании они повернулись к имениннику. Мальчик под их взглядами приложил сосуд к губам и сделал глоток.

— Ха! Это все? Вот так лыцарь! Это наш теперешний предводитель шляхетства? А я говорю, стыдно мужчине и шляхтичу сидеть сиднем в замке и бояться высунуть нос свой наружу, как нежной паненке...

— Да успокойтесь, сударь. Как вы смеете...

— Ну-ка, пан Веразуб, убери свою руку, а не то я выдерну ее с корнем.

На открытое место выскочил видный сквайр в крепкой куртке телячьей кожи. Он был один из тех дворян, что прибыли вместе с Базылем Гуком. Черты лица его были утонченными, черная бородка и усы аккуратно подстрижены.

— А я еще раз скажу, — заявил он громко, глядя в сторону виновника пиршества Кастуся Матюшевского. — Только баба может прятаться от судьбы за каменными стенами. А потомук славного Рыгора Матюшевского это позорно!

Шляхта вокруг Фюргарта почему-то не спешила окоротить молодчика. Кроме этого молодого дворянина в допотопной бронзовой кирасе, который пытался схватить того за рукав. Может быть, уже все сталкивались с его характером? Нужно признать, сквайр был весьма внушителен: широкая грудь, облаченная под курткой в легкую кольчугу, крепкие руки. Он был на полголовы выше Барриона. «Ну, хорошо, а где же стражники? Что происходит?»

Баррион положил руку локтем на стол и встал, поворачиваясь к нахалу. Он, конечно, не знал, может, здесь какая-нибудь старая история. Может, у дебошира есть серьезные резоны так

себя вести. Какие-нибудь родственные дела... Но айдук побери, он по-хамски разговаривает с природным лордом края в присутствии Фюргарта. За одно это можно лишиться своих ушей.

— Что, сударь? — ткнул молодец пальцем в направлении Барриона. — Вам есть, что мне сказать? Заезжий учитель для нашей жизни?

— Да. Я хотел бы поучить вас манерам... — начал Баррион. Краем глаза он увидел, что в середине стола встают Утес и Риард Хонг.

Рядом с наглецом с грацией зубра вдруг оказался констебль. Он схватил молодчика за плечо и хлестко ударил по лицу. Из носа бузотера побежали две кровавые струйки, заливая ему губы и подбородок. Он слепо схватился за клешню Гука, пытаясь оторвать ее от себя.

Протяжно звякнула сталь, это Утес широким жестом вытащил из ножен свой меч. Он подходил, готовый ударить сквайра, надерзившего его лорду, в основание шеи. Публика поспешно отпрянула в стороны.

— Господа, господа! — вскричал Базыль Гук. — Мы же на именинах. А ты, Варлась, не смеешь дерзить нашему гостю. Кто ты такой перед ним! Забылся? Так я тебя научу, пьяная скотина!

— Я не позволю!

— Что-о? Да кто ты такой, орлик. Забыл, каким я тебя подобрал? С глаз моих. Уберите его и суньте в темную.

Сквайра схватили за руки угрюмые люди констебля и, толкая в спину, повели к двери в сад.

Констебль повернулся к Фюргарту. На его широком лице, украшенном бакенбардами, дрожала заискивающая улыбка.

— Не изволь гневаться, ясновельможный пан. Это мой человек Варлась Шибекко. Справный хлопец, но горяч, да и что скрывать, к вину равнодушен. Забылся. Прости его великодушно. Я сам шельму проучу, с него и то много будет.

Констебль положил широкую ладонь на предплечье Фюргарта, и Баррион внутренне передернулся, хотя лицо его осталось спокойным и почти равнодушным. Он не переносил, когда чужаки дотрагивались до него, особенно демонстрируя свое расположение.

— Прошу, пан Фюргарт, забудь, что было. Без таких забияк уж совсем скучно было бы жить в нашем краю. Вот держу его подле себя...

Баррион кивнул Утесу, который выжидательно смотрел ему в лицо, и холодным голосом обратился к Гуку:

— Раз уж речь зашла о скуке... Я хотел, констебль, получить от вас объяснение, что происходит во вверенном вам Северо-Западном крае. Население жалуется на какую-то Дикую Охоту. Я был вынужден прервать свой поход...

— Темный народ, ясновельможный пан. Придумывают себе байки. Банда у нас завелась. Всегда такое случалось, а сейчас просто особо оголтелые сорвиголовы случились... Хотя... и я Охоту видел... едва уцелел. Ну да всего сейчас не расскажешь. Должен сейчас уйти, дела во имя красного льва не терпят, но низайше прошу посетить мое скромное имение в Ольховке. Все и оговорим...

Утес громко уронил тяжелый клинок в ножны и положил руку на навершие меча. Ему тоже не нравилось, что констебль так близко подошел к его лорду. Оруженосец Барриона в хмуrom ожидании смотрел сверху вниз на весьма немаленького констебля.

Гук осторожно убрал ладонь с предплечья Фюргарта и, улыбаясь, развел в поклоне руки.

— Должен идти, панове. Служба. — Он попятился к дверям.

— Грубый человек, — сказал господин Кривицкий, появляясь как тень рядом с плечом Барриона. Дверь за внушительной фигурой констебля уже затворилась. — Позор для шляхетства этот Варлась Шибекко. А пан Гук ему покровительствует. Видать, полезный человек в

хозяйстве констебля. Рука руку моет. Но рано или поздно его воспитанник укусит хозяйскую руку. Наперед вижу, сударь.

— Погодите-ка, — сказал Фюргарт и направился к дверям, — если это снова вести о Дикой Охоте... не хочу время терять. Нужно с этим быстрее разобраться и вернуться на...

В висках его застучало при одном только упоминании Охоты. Сразу припомнились летящие косые тени и дурнота. Что за странный морок? Пора с этим кончать как можно быстрее.

Утес и Хонг поспешили за ним. Баррион вышел на площадку над садом и оглянулся. Констебля уже не было видно, наверное, спустился в сад по лестнице к коновязи. Внизу, возле грота, он увидел видную фигуру Шибeko. Сквайр держал под уздцы коня и о чем-то разговаривал с рыцарем в глухом плаще. Его собеседник уже ставил ногу в стремя.

Они заметили у себя над головой появление Фюргарта и прервали разговор. Фигура вспрыгнула в седло, поклонилась Барриону и его спутникам и скрылась.

Баррион ясно увидел, как блеснула серебряная застежка на плаще. Он не успел рассмотреть, какой знак на ней изображен, но уверенно знал, что местное шляхетство не имеет этой манеры — носить на одежде знаки своего дома в виде броши.

Варлась Шибeko тоже поднялся в седло и чинно поехал вслед за офицером в сторону привратных башен. Глаза его изображали вежливое равнодушие, но Барриону чудилось, что уголки его губ кривились в похабной усмешке. Фюргарт против своей воли вспыхнул всем сердцем. Ему захотелось немедленно стереть эту улыбку с губ нахала.

Распахнулись двери, выпуская на площадку звуки музыки. Наружу выскочили господин Кривицкий и пара затянутых в тесную одежду лакеев.

— Что же вы, господа, — сказал он. — Пан Кастусь просит вас вернуться за стол. Вечер еще не окончен. Вас ждет и ночлег. Я докладывал... ваши люди, поди, уже второй сон смотрят. И вам, сударь, потребно остаться. В башне готовится комната... В наших краях не принято покидать стен после заката солнца.

Баррион со своими оруженосцами должен был вернуться к торжеству.

Почти сразу к нему подошел молодой сквайр, который пытался осадить Шибeko. Он был в тщательно надраенной бронзовой кирасе. Такие же доспехи, только покрытые зеленым налетом веков, лежали в Капертауме в гроте склепа памяти, на холме остролистов.

— Алесь Веразуб к вашим услугам, милорд, — представился молодой шляхтич.

Его водянистые глаза с торжественной серьезностью смотрели с худощавого треугольного лица. Тонкая рука сжимала рукоять меча на поясе, выдавая сильное душевное волнение сквайра.

— Я должен просить у вас прощения за эту безобразную сцену, устроенную прилюдно. В этом я вижу оскорбление традиций шляхетства. Мы, должно быть, сильно упали в ваших глазах.

— Вовсе нет, сударь, — сказал Баррион, останавливая рукой Утеса. Оруженосец увидел угрозу в нервном жесте молодого сквайра и уже выставил вперед свое могучее плечо.

— Тут у нас давние игры вокруг этого кресла, в котором сидит бедный мальчик. Это сейчас и вылезло на сцену во всем своем безобразии. Очень многие недовольны тем, что род Матюшевских никак не закатится. Вас еще обязательно познакомят с нашим фольклором... Вы, наверное, уже слышали про Дикую Охоту короля Витовда?

— Только о ней последнее время и слышу...

— Уверяю вас наперед, что это обычные суеверия темного народа. Ничто не суждено, все в руках...

— Вы полагаете?

— Вас будут убеждать, что в последнее время Охота скачет по нашим болотам чуть ли не каждую луну. Каждый второй настаивает, что самолично видел ее. Я посвятил этой легенде несколько лет своей жизни. Гонялся по горячим следам — все напрасно. Я мог бы рассказать

вам о многом интересном, что у нас тут происходит. Все помешались на сокровищах короля Витовда. Вечные интриги... Но не все мы таковы. Прошу вас, сударь, по случаю посетить мое скромное обиталище в Воуканосовке. Вы сможете увидеть настоящий древний форпост первых Урбантингов. Даже это древнее гнездо Матюшевских покажется вам вчерашней постройкой.

Он поспешил откланяться. Рядом терся вездесущий каштелян Кривицкий. Управляющий неодобрительно смотрел на молодого сквайра; поднятые плечи и руки каштеляна, сцепленные за сутулой спиной, каким-то удивительным образом одновременно демонстрировали глубокое пренебрежение к шляхтичу и почтение к высокому гостю.

— Этот молодой Веразуб тоже из рода Матюшевских, — проговорил он доверительно Барриону, когда дворянин отошел. — Еще один родственничек пана Кастуся. Если с нашим господином что-нибудь случится — он первый претендент на владение Гнездом. Уверен, он только и ищет возможности попасть в подвалы Гнезда. Верит в эти сказки о золоте пана Рыгора. Хм... Нашел повод просиживать в нашей библиотеке. Не знаю, как и отвадить. Говорит только о шляхетской чести, но куда ему с его безнадежно пустыми карманами. Вечно суется со своим «ничто не суждено...». Интриган и болтун.

— Как вы его... — пробормотал Фюргарт. — Мне, напротив, он очень показался...

— Как вам будет угодно, ясновельможный пан, — поклонился управляющий. — Мы только по совести служим его милости пану Кастусю. Люди мы недалекие — можем увлекаться. Может, что и лишнее наболтал. Прошу простить покорно. Только одно могу сказать: если вам напели, что в замке есть сокровища — не верьте ни одному слову. Все пустое, и даже дичь! Да, да. Уверяю вас.

Какой-то мелкий айдук подстегнул Барриона задать каштеляну еще один вопрос:

— Разве? Странно... Я читал в одном манускрипте по этому поводу преинтереснейшее указание... Может, нужно внимательнее посмотреть в старых хрониках? У вас хорошая библиотека?

Довольный, но, как всегда, с совершенно ровным лицом, он отвернулся от обомлевшего управляющего.

Праздничный вечер уже подходил к концу. Именинника по малолетству увели почивать, да он уже и сам клевал носом. Крепкое вино развинуло его бледные щеки, но заставило уронить голову на грудь.

Громадный портрет неприятного рыцаря стоял, покинутый, возле стены.

Гости, как и сказал господин Кривицкий, по местному обычаю оставались ночевать у хозяев. Благо замок был обширен и почти необитаем. За окнами уже царила глухая ветреная ночь. Шляхетская молодежь еще продолжала извечную игру с противоположным полом, парочки искали случая и разбрелись по запущенным коридорам. Вот запыленно пробежала по скрипучему паркету потерявшая дочку матрона.

Возле камина несколько крепких старичков с красными яблоками щек и лукавыми подбородками перетирали местные дела и слухи. Графинчик с янтарным напитком неуклонно терял свое содержимое. Эти мелкие лендлорды могли так просидеть до утра, наслаждаясь обществом друг друга и кальвадосом. Но основное собрание уже покинуло зал ассамблеи.

Оказалось, это было еще не последнее происшествие этого вечера.

Открылись двери, и в проеме появился слуга Барриона бард Текс. Даже сейчас его лютня была с ним.

— Там делегация, — сказал он, отправляя инструмент на ремне за спину. — Хотят непременно говорить с паном Фюргартом.

Люди, ждущие по своей надобности высокого гостя, стояли возле стены замка, освещенные факелом, который временами принимался трещать горячей смолой. Перед ними или, вернее сказать, над ними на ступеньках стоял вездесущий каштелян Кривицкий.

— Пан Самусь, — говорил глухо мужчина в длинной белой тужурке и заячьей шапке с блестящим козырьком, — нам, хоть умри, нужно повидать принца нашего господаря Фюргарта.

— Вот еще глупости. Думаете, молодому льву только и дело, что с сермяжным народом говорить.

— А ты скажи ему... Может, он и не побрезгует.

— Что здесь? — Баррион вышел вперед и встал рядом с каштеляном. Утес одним движением отодвинул управляющего на несколько ступеней вниз.

Крестьянин в заячьей шапке снял ее с головы и поклонился в пояс. За ним этот жест повторила вся компания просителей.

— Помилуй, ясновельможный пан рыцарь, с нижайшей просьбой мы к тебе.

— Говорите.

— Жизни не дает нам Дикая Охота. В гости в соседнее селение не поедешь, в лес за дровами или сено косить в пойме — опасаемся. В поле свое в одиночку выйти уже боимся. Всегда могут налететь черные всадники короля Витовда, ограбить или в болото увлечь и замордовать. Нет больше нашей мочи так жить.

— Но у вас же есть власть. Лорд Матюшевский над вами. Констебль Базыль Гук здесь — королевская десница, призван следить за порядком. Обращались вы к нему? Если вы говорите о неуловимых призраках, то я не могу избавить вас от потусторонних сил или суеверия. Здесь вы сами должны превозмочь ваши страхи. А если безобразничают живые люди из крови и плоти — укажите их, и мы применим силу и учиним следствие.

Крестьяне молчали и нерешительно смотрели на Фюргарта.

— Или большие люди причастны к этому? Ну, пришли — говорите.

Кривицкий опять вскочил на верхнюю ступеньку, предусмотрительно обойдя Утеса с другой стороны.

— Да нечего им сказать! — крикнул он, показывая обличительно пальцем на мужика с блестящим козырьком. — Это староста мутит воду, потому как должники они вечные со своей общиной. Все свое лихо на болотных айдуков списать готовы. Вот вечно жалеешь вас. Прощаешь. Все оттягиваешь с недоимками. А вы с жалобами своими к высокому гостю. Позорите пана Матюшевского. Идите домой, пока ночь совсем не устоялась, как же вы будете до села идти? А? Охота же в ночи...

Один за другим сконфуженные крестьяне пропадали в темноте. Староста ушел первым.

— Это они при управляющем побоялись указать виновника, — сказал Риард Хонг тихо в спину Барриону, пока они шли за господином Кривицким по коридору. Гостей вели ночевать в главную башню.

Каштелян пытался увести Барриона одного, но Утес невежливо подтолкнул управляющего в спину и велел вести на ночлег их всех вместе.

— Ничего, устроишь нас как-нибудь...

Из коридора они перешли на винтовую лестницу и с нее попали в огромную опочивальню. Помещением давно не пользовались, но было видно, что перед их приходом пытались навести какой-то порядок. Деревянные полы были свежоотмыты, стол у бойницы даже отскоблен.

Кровать была только одна. Железная, с большим знатным пуховым ложем.

— Но я говорил, — развел руками каштелян. — Место готовили для сэра рыцаря...

— Это ничего, — ответил Утес, снимая со стены огромный гобелен и бросая его на пол у стены. — Ты только пришли служанку с тюфяком. И знаешь, пан Самусь, если она будет безобразной и старой, уж утром не взыщи...

— Надо бы завтра навеститься в это село. Оно же где-то неподалеку. Без лишних ушей крестьяне будут смелее, — продолжил Хонг, когда управляющий ушел.

— Да, Риард, и я так подумал. При случае... — ответил Фюргарт.

— А я думаю, что мы здесь увязнем в их делах, — заметил Утес. — Стоит только ступить. Одно слово — болото. Болото и есть.

Он обнаружил возле камина старое, но крепкое еще кресло, набитое конским волосом, шумно упал в него и со стоном вытянул ноги.

— Все равно мы уже здесь, — сказал однодворец Уго Стерн. — Может, завтра все выяснится. С чистым сердцем поедem своим путем.

— Хорошо бы. Вы не видели, как юный лорд Матюшевский отреагировал на подарок дяди? — спросил Фюргарт. — Я думал, что он запустит в портрет кубком с вином. Чуть удержался.

Он помолчал, вспоминая молодого шляхтича Веразуба и уверения Кривицкого, что в замке нет никаких сокровищ.

— Смотрите, смотрите! — позвал их от окна Хонг. — Что это он делает?

Баррион и Утес мягко подскочили к парню. Только тихонько скрипнула половица под весом оруженосца.

Чуть внизу, напротив их башни, по галерее осторожно двигалась легко узнаваемая по белому воротнику фигура.

— Это он?

— Конечно... вот неугомонный барсук. Это он какие-то книги несет из библиотеки.

— Перепрятывает.... Ну, каштелян! Весь в трудах.

Баррион увидел, что следом за фигурой управляющего легко скользит другая тень. Кто-то еще не оставлял без присмотра пана Кривицкого.

Глава 22. Матиуш Ардо

Они растянулись на тропе вдоль ручья на добрый полет стрелы. Отряд получился внушительный: Ардо с Кади Берном, Казимир Коч и его оруженосец Бистроль Коч, который вез на спине двухзвездный щит своего дяди, Раймондо Сигас в красно-черном одеянии на тонко-костном горячем жеребце, бывший слуга Матиуша Сим, а нынче вольный всадник или сквайр Симус Йиржи в новой сверкающей кирасе и нежно-зеленом сюрко, его ординарец Лехол.

Впереди ехала в мужском платье Минора, дочь деревенского старосты, рядом с ней крестьянин Ремс. Худой Чо и Сомс ехали на мулах и держались позади всех.

Они проехали вдоль ручья до того места, где он впадал в какую-то речку. Затем перебрались на другой берег и проехали еще две лиги вдоль этой реки. Возле ничем не примечательной ветлы отряд свернул в сторону и двинулся по едва заметной тропе, которая постепенно перешла в овраг, а затем обернулась лесистой балкой. Солнце уже стояло высоко в небе, и было приятно ехать в ажурной тени черешчатых дубов и буков.

Казалось, этих изумрудных трав никогда не касался серп крестьянина, а этим деревьям, которые росли здесь долгие столетия, не приходилось бояться топора лесоруба. Но еще через лигу они проехали мимо давно заброшенного хутора и колодца с поднятым в небо журавлем.

К Матиушу подъехал Сомс.

— Господин, за нами едет всадник. Я увидел его за деревьями. Это тот рыцарь, которого я приводил. Я узнал его. Фефел.

— Только один? Больше ты никого не видел?

Несколько минут спустя рыцаря Цветов уже могли лицезреть все. Он, не скрываясь, ехал по правой кромке балки над их головами.

Это очень скрасило компаньонам следующую пару лиг. Для непосвященных Кади Берн с удовольствием рассказал историю о восьмилетнем урожденном рыцаре Цветов Куки Фефеле. Дружный смех разносился между деревьями живописного урочища.

Когда вечером они остановились возле маленького ключа на ночлег, второй костер загорелся у них над головами, на скальном краю лога. Рыцарь Цветов в гордом одиночестве коротал свой вечер.

Матиуш взял коня и в поводу прогулялся с ним среди раздувшихся, словно от гордости, стволов старых деревьев. Солнце уже село. Вечерние жуки взлетали из травы, басовито гудя. Никто не присоединился к рыцарю, хотя он намеренно неспешно прошел мимо крестьянского бивуака.

На следующий день балка стала терять свою глубину. С продвижением отряда вперед края ее становились все более низкими и пологими, и в середине дня путники выехали на берег тихого лесного озера. Называлось оно Шум-озеро. Крестьяне уверили, что раньше название полностью соответствовало действительности. До воссоединения со сливочно-рыжей скалы на противоположном берегу, оглушительно грохоча, низвергался водопад. Тихой ночью его шум можно было услышать за многие лиги.

Теперь вода ушла. Где-то вверху, в плоских горах, что-то изменилось, и ручей нашел себе другой путь.

— Значит, там могла проявиться часть мира беглецов, — предположил Ардо.

— Вот бы проехать вверх, поискать, — произнес мечтательно слуга Сима Лехол. — Говорят, этот мир богат на удивительные вещи.

— С новыми землями сюда могли попасть и новые люди, — сказал Коч.

— Эти скалы тянутся на сотни лиг до владений Синезубов и дальше до Низких Болот, — ответил Ардо. — На поиски можно потратить не один год. У нас есть дело, а тебя все равно вскоре ждет целый город новых людей.

Минора удовлетворенно кивнула и направила свою смирную лошадку в обход озера. Путники поехали через тонкоствольный лес лещины и митры.

Лига за лигой лес становился темнее, или это небо начали укрывать сливовые вечерние тучи.

— Ты чего вертишь головой? — спросил Сигас.

— Что-то я давно не замечал рыцаря Цветов, — ответил Казимир. — Он все время держался ближе к тому гребню, а теперь его нигде не видно.

Справа от дороги тянулась цепь зеленых холмов, поросших соснами. Иногда встречались жилистые колонны железного дерева. Слева от путников местность была пологой. За осокой и коврами мхов угадывалось верховое болото. Здесь росли только тщедушные березки.

— Не выдержал характера, — сказал Берн. — Даже жалко. Созерцание его незагорелого черепа веселило мне сердце.

Чем дальше они ехали на восток, тем ниже опускались холмы по правую руку. К вечеру обе стороны от дороги выглядели, как болото. Тропа, по которой ехали путники, стала черной от торфа, и на ней все чаще попадались рыже-коричневые лужи.

— Однако не мешало бы и подкрепиться, — сказал Казимир. Он достал лук и стал натягивать на него тетиву.

— Господин, — догнал его Худой Чо, — здесь с дороги сходить уже нельзя.

— Как же мне тогда охотиться?

— Нельзя. Здесь бездонная трясина. Самая злая. Лось еще, может, и выскочит, если не будет останавливаться, а человеку — лютая смерть.

— Ну, посмотрим, может, найдется такая глупая дичь, что сядет возле самой дороги...

Глядя на Казимира, Матиуш тоже вооружился луком. Он взял его у Симуса. Но им так и не удалось никого подстрелить. Один раз на тропу выскочил отбившийся от выводка кабанчик. Казимир наложил стрелу, но он был слишком далеко для выстрела. Взвизгнув на всадников, полосатый поросенок поспешил скрыться между болотных кочек.

Скоро нужно было становиться на привал, и, похоже, путникам придется смириться с ночлегом без ужина.

— Посмотри там у себя в сидоре, — обратился к крестьянину Сигас, — пошуруй, может, заваялся какой кусок сыра. У меня в желудке уже свищет голодный ветер, забодай нога ногу.

— Сейчас будет речка Рожайка. Вдруг удастся наловить сороги, — робко ответил Сомс.

Они проехали сквозь небольшую рощицу чахлах березок и оказались на берегу медленной речушки.

На другом ее берегу ярко горел костер. Он был совсем рядом, сразу за нешироким бродом. Крестьяне, как один, бросились прятаться в речную траву. Остальные путники схватились за оружие и беспокойно завертели головами.

Вокруг костра никого не было. Это было странно и даже подозрительно. Если только те, кто развел его, не успели попрятаться от них раньше.

— А вон и наш рыцарь Цветов, — сказал Казимир, поднимаясь во весь свой немалый рост на стремянах и указывая вперед рукой.

В отдалении по черной дороге отъезжал Кику. Ардо внимательно смотрел ему вслед, ему показалось, что юноша довольно посмеивается над поднявшимся переполохом.

— Смотрите, что он там оставил. Да это козленок! Где, во имя болотных айдуков, он сумел подстрелить козленка! — воскликнул Сигас. Все немедленно почувствовали аромат жареного мяса и увидели на костре вертел.

Сигас, не раздумывая, поспешил на другую сторону. Никто из путников не стал мешкать, все устремились за ним. Даже крестьяне позабыли про свою робость.

Матиуш проехал последним по воде цвета крепко заваренного чая. Над пологим бродом низко свисала ветка, в ее блестящих листьях сверкающий, как ртуть, паучок соткал серебристую паутину. Ардо отшатнулся от мерзкого создания, внезапно возникшего перед его лицом, и нервно дернул лошадь влево. Она сделала неверный шаг и провалилась по грудь в податливый торф.

Матиуш зло ругнулся на себя. Делать нечего, пришлось спрыгнуть в темную воду и помогать Симуну выбираться из ловушки.

Он вышел на берег весь мокрый. Его конь тяжело дышал.

— Как ты умудрился свалиться в яму? — подошла к нему Минора. — Нужно было просто ехать прямо. Никуда не сворачивать.

— Напиши эти слова на моей могиле, — сказал Ардо сквозь зубы недоумевающей девушке.

Козленка хватило на всех. К нежному мясу пришлось кстати мелкие кисло-сладкие яблоки. Их нарвал на диком деревце и принес путешественникам Худой Чо.

— Мой отец прикопал серединку яблока здесь на берегу, когда в юности ездил на ярмарку. Потом здесь выросло дерево. Люди прозвали его Яблочный Мо, — сказал он.

— Хорошо он поступил, — сказал вдруг другой крестьянин, робкий Сомс. — И хорошо поступил этот юноша, рыцарь Цветов. Он, конечно, хочет ехать с нами, а вы его не хотите. Я увидел. Но что он делает? Он не уговаривает, не льстит и не говорит красивых слов, как принято у вас, людей благородных. Он ловит козленка и кормит нас. Так поступить может только хороший человек. Дурной бы так не придумал.

— Мы примем его, — сказал Матиуш. Он откинулся назад на переметную сумку. Глаза его начали слипаться. День был долгий. — Но где он? Пусть объявится, и мы примем его. Пусть будет рыцарь Цветов. Не помешает.

Сигас встал и довольно потянулся, разбрасывая руки в стороны. Он смотрел, как Бистроль устраивает себе и своему дяде место для ночлега.

— Казимир, расскажи еще про чудеса Пархома. На ночь славно послушать хорошую историю.

Коч расстегнул на плече тяжелую стальную застежку с рогатым лосем и недовольно оглянулся на рыцаря. Ему было неприятно, что Райм походя ослабливает его мечту.

— Город этот действительно существует, — сказал со своей лежанки Берн. — Мне прислали из дома птицу, когда я еще был в Эдинси-Орте. Мой кузен сам побывал там. Я, когда был маленький, ходил в пажах у старика Фюргарта. Поэтому хорошо знаю Капертаум...

— Может быть, и мне стоило бы взглянуть одним глазком... — подумал Ардо, соскальзывая в сон под низкий голос Медведя.

— Что, сегодня лорд не будет гулять своего жеребца на ночь? — зашептала возле его уха подкравшаяся Минора, от всех скрытая темнотой. Ее голос насмешливо подрагивал. Она дотронулась до его макушки горячей ладошкой, готовая отпрыгнуть, как пружина, если он повернется. — Ночь такая теплая и ласковая, что спят даже мошки, а мох на болотных кочках мягкий, как пуховая перина...

— Иди, айдучка, начинай пока без меня. Я потом подойду... — едва размыкая губы, произнес бастард, проваливаясь в яму сна.

Опять Матиуш шел по Мертвому лесу. Опять видел ствол упавшего дерева с вздыбленным комом корней и земли. В этот раз он заметил в траве белеющий маленький череп, которого не было раньше. Его пустые глазницы неотрывно провожали бастарда. Каждый раз во сне всплывали новые детали, которые ускользнули от внимания тогда... в действительности. Вот красная ягода каролики, и он нагибается к ней. Слышит мягкий шелест и поднимает голову.

Видит в корнях серебристую паутину и ребенка. Ребенок не размыкает бледных губ, но Ардо слышит чье-то бормотание и всхлипывания. Видит вопрос в его черных глазах...

Матиуш смотрит на кончик своего кинжала, но все еще не может двинуться в сторону гнезда. Шелест в траве. Он оглядывается и ищет глазами хозяина паутины. Никого нет, но шелест не прекращается. Он поворачивается к ребенку и делает первый маленький шаг. Второй... и проваливается в земляную ловушку. Над травой остаются только его плечи и голова. После падения он не сразу приходит в себя. Потом видит мохнатые паучьи лапы. Они останавливаются возле него, потом спешат к гнезду проверить паутину.

Шелест. Пластины нового доспеха мягко трутся друг об друга.

Всхлипывание и бормотание вторглись в его сон. Ардо поднял голову.

Речной туман лизал его ноги. Раздался приглушенный возглас, и бастард сбросил с себя плащ. Встал на колени. Нашупал рукоятку меча.

Впереди спинами к нему, лицом к дороге на коленях стояли крестьяне. Слышно было их бормотание, перемежающееся вскриками. Что происходит?

Матиуш встал и увидел в тумане движение черной линии поперек дороги. Что-то гибкое, многосоставное и многоногое переползло через проплешину дороги в белесом тумане. Гигантская многоножка. Блестящая черная голова только что переползла через двойную колею и выбирала путь на левой стороне. Шевелились две пары загнутых усиков. Какая же она длинная! Справа ее тело скрывалось за хвоей молодых сосенок.

Ардо двинулся вперед. В руке у него был обнаженный меч. Его опущенное острие неслышно сбивало с травы капли росы.

— Стой, господин. Нельзя. — Худой Чо попытался схватить его за край одежды. — Оружие грех перед лицом бога.

Ардо посмотрел на свою руку с мечом. Он даже не осознал, когда успел достать его. И как же он решился приблизиться к гигантскому членистоногому? Равномерный шелест доносился от движения быстрых ножек. Хитиновые пластины мерно изгибались, стянутые кольцами перетяжек.

В лагере уже никто не спал. Все смотрели, как на дороге появился раздувшийся хвост многоногого червя, перебрался на другую сторону и заскользил по голубому мху.

Ардо увидел, что Минора с ненавистью смотрит на своих соплеменников.

Худой Чо поднялся с колен. По щекам его катились слезы.

— Это хороший знак. Бог Девус посетил нас на нашем пути. Не думал, что когда-нибудь сподоблюсь этого счастья.

— Долго вы собираетесь еще здесь торчать, — вскричала резким голосом дочь старосты. — Пока мы доберемся до деревни, спасать уже будет некого.

— Так этот червяк ваш бог? — спросил Сигас. — Он подошел к поперечному следу, оставленному созданием, и посмотрел в глубину болота. Ключья рваного тумана шевелились над мхом.

Крестьяне ничего не отвечали. Они со счастливыми лицами тихо собирали свои пожитки. Минора дернула уздечку, ударила лошадь узкими пятками и галопом поскакала по дороге.

— Не трогай их, Сигас, — сказал Матиуш. — Пусть. Не у всех есть и такой бог.

— Это не бог, — очень тихо сказал Бистроль, забрасывая сумки на круп лошади. — Я точно знаю.

Солнце вырвалось из болот, когда они вышли на высокий травяной холм. Внизу в долине лежала деревня. Отсюда она была как на ладони. Справа подымался каменный кряж. Весь он порос кривыми стволами горного бука.

Слева деревню обнимала узкая речка Рожайка, дальше шли поля, а еще дальше опять начинались болота.

На краю холма стоял рыцарь Цветов. Матиуш подъехал к нему и посмотрел вниз на деревню.

— Здесь они живут, — сказал ему Куки, не отводя глаз от крыш под ногами. — Здесь рождаются, работают в поле, заводят детей и умирают. Это — весь их мир. Ничего другого они в своей жизни не видят. Как слепые термиты в гнилушке.

— Ну что ж, неплохой мир. Уютный. — Матиуш достал и протянул парню родословную скрижаль. — Это твое. Ты оставил. И спасибо, козленок был хорош. Нужно было тебе присоединиться к нам вчера.

Над долиной разнесся протяжный возглас, который завершился отдельными лающими звуками. Это кричал смуглый Ремс. Он приложил руки к губам, выждал несколько мгновений и повторил крик.

Отряд начал спускаться вниз. Дорога обогнула холм и нырнула в рощицу узколистов. Крестьяне ехали впереди. Минора держалась от них на некотором расстоянии. Матиуш заметил, что после встречи с богом Девусом она ни разу не заговорила с односельчанами.

За каменистым ручейком начались первые домишки. По пыльной улице бродила стайка индеек. Людей было не видно. Крестьяне усердно крутили головой. Ремс еще раз выкрикнул свой клич, но деревня словно вымерла.

— Попрятались? — спросил Ардо.

— Они боятся, господин, — ответил Худой Чо. — Мне так стыдно. Нам всем стыдно.

Тем временем они выехали на деревенскую площадь. Здесь рос дуб-патриарх. Возле него была сооружена маленькая кафельня, и из черных валунов вырезано и составлено тело длинной многоножки. Она кольцами обвивала ствол дерева у корней и деревенский алтарь. Видно было, что изваяние создавало не одно поколение приверженцев культа.

— Не очень-то нас здесь ждут, — сказал Берн, оглядываясь вокруг.

Площадь была образована двумя улицами, разбегающимися в разные стороны от святого места. Сомс не выдержал и побежал по одной из них, ведущей к полям. На бегу он улюлюкал и подпрыгивал от переполняющего его гнева. Худой Чо тоже, что есть сил, закричал, потрясая в воздухе дорожным посохом:

— Выходите! Мы привели помощь!

— Почтенные милорды, прошу простить нас за такой прием, — сказала угрюмо Минора. — Мой отец с радостью встретит вас. Прошу следовать за мной.

Она направилась по улице, ведущей вдоль склона. Путники поехали за ней. Раймондо Сигас ехал возле Матиуша, подбоченясь и выпятив нижнюю губу. Почувствовав взгляд Ардо, он заговорщически подмигнул.

«О чем это он?» — подумал Матиуш рассеянно, оглядывая пустую улицу.

Дом старосты стоял в конце деревни, сразу за затоном. Его хижина была немногим лучше остальных деревенских домов и так же была сложена из необтесанных камней, толстых буквых ветвей и покрыта слоями дранки и соломы.

Староста встретил их на пороге. Это был худой высокий старик с глубокими неторопливыми глазами и загорелой кожей голого черепа.

Минора соскочила с лошади и торопливо опустилась перед стариком на колени. Руками она крепко обняла его ноги. Староста положил ей ладонь на голову.

— Мы привели всадников, отец, — сказала она. — Прости, что уехала без твоего разрешения. Ты бы никогда не отпустил меня.

Несмотря на жест и покорную спину, голос ее не показался Матиушу испуганным или виноватым. Дочь вовсе не боялась гнева своего отца.

Старик прижал ее голову к своим ногам и долгим взглядом посмотрел на путников. Потом он низко поклонился рыцарям.

— В доме мало места, прошу, не обессудьте. Стыдно приглашать благородных рыцарей в деревенскую халупу. Прошу, пройдемте на гумно.

Они прошли за дом, во внутренний дворик. Он был сложен из плоских камней и выходил одной стороной к речке. От улицы он был отгорожен небольшим овином и воротами. Староста остался стоять, пока его гости рассаживались по соломенным тюкам.

— Нечем вас даже угостить, благородные рыцари, — сказал старик. — Мы едва протянули этот сезон. Скоро будем собирать новый урожай, тогда будет все: и еда, и молодое вино. Если опять все не заберут грабители.

— Поговорим сразу об этом, — сказал Ардо. — Сколько же в шайке рыцаря-разбойника людей?

— Верно, будет четыре дюжины.

Берн при этих словах присвистнул.

— И что же? — спросил, морщась, Сигас. — Все с хорошим оружием?

— Все на конях, в доспехах. У всех мечи, копья, и я видел арбалет, — отвечал староста.

— Нас все еще мало, чтобы справиться с такой ордой, — сказал Матиуш. — Сколько в деревне жителей? Я говорю про взрослых мужчин.

Староста задумался.

— Наверное, с полсотни наберется. Вы хотите, чтобы они тоже взяли в руки оружие?

Коч поставил руки на колени и в сомнении помотал головой.

— Пустое дело, — сказал он. — Я знаю крестьян. Этих земляных мышей не заставишь сражаться. Их будут по одному грабить, входить в их дома и забирать их женщин — они до последнего будут отсиживаться в своих норах. А вдруг пронесет, а вдруг их в этот раз это несчастье не коснется. Видел не раз такое.

— Это правда, — сказал старик. — Я староста мышей. Полгода я потратил, чтобы уговорить их поехать за оружием. Отдал свое единственное сокровище, и как они встречают вас? Позор на мою голову. Моя дочь храбрее любого из них.

— Скажи, старик, — произнес Берн. — Эта река в деревне — это Сестра? С холма я видел, она становится намного шире ниже по течению.

— Это — Рожайка. За второй горой она впадает в Сестру. Там начинаются земли медведей Бернов.

— Всего день пути, — произнес Кади Берн, задумчиво рассматривая кончики своих сапог, и вдруг вздрогнул и подпрыгнул на своем месте.

В воздухе тревожно зазвучали частые металлические звуки. Все вскочили на ноги и схватились за оружие. Староста прижимал ладони к голове.

— Что это? — крикнул Сигас.

— Пожар! Это пожарная рында! — ответила Минора.

Она развернулась и побежала на улицу. За ней бросился ее отец. Рыцари в спешке позабыли про лошадей, которые остались у коновязи тревожно вскидывать головами, и тоже побежали за крестьянами по улице. Пыльные фонтаны взмыли в воздух из-под их ног.

— Ветер, ветер! Сгорит вся деревня! — кричал кто-то.

— Пожар! — Улицу запрудили сотни ног. Со всех домов, перескакивая через тыны палисадов, выскакивали мужчины, ребята и старики. Все бежали туда, откуда доносились хлесткие звуки рынды. На деревенскую площадь.

Когда они прибежали туда, Ардо пришлось пробиваться сквозь толпу. Вся небольшая площадь была забита людьми.

В середине ее по каменному червяку расхаживал рыцарь Цветов. В руках у него была большая бронзовая рында и обнаженный меч.

— Ага! — закричал он. — Набежали! Дети тараканов. Подлые трусливые создания. Испугались пожара? Где вы были, когда в вашу дрянную деревеньку прибыли благородные

рыцари? Почему вы попрятались в свои норы и не встретили нас, как полагается? Трусливые земляные блохи!

Ардо остановился и упер руки в бока. Рядом тяжело дышал Йиржи. Лицо у него было изумленное.

— Забодай нога ногу! — восхищенно произнес Сигас.

Крестьяне стояли молча. У некоторых в опущенных руках были деревянные ведра. Они с ужасом смотрели на чужака, расхаживающего по каменному изваянию.

— Что вы смотрите, подлые трусливые землеройки. Вы думаете, мы будем защищать таких неблагодарных людишек? Пусть вас сто раз ограбят, убьют ваших отцов, похитят ваших женщин, продадут за море ваших детей, тогда, может, в ваших пустых головах затеплится разум, а в груди появится ярость и чувство уважения к людям, согласившимся вас защищать.

Вас так много. В два, три раза больше, чем разбойников. И вы смеете трусить? Смеее перекладывать свою защиту на кого-то другого? Если бы я знал, что существует на свете деревня с такими отъявленными трусами, я давно пришел бы сюда и сам ее ограбил. С одной лишь палкой в руке.

Крестьяне стояли с упавшими плечами. На них сыпались все новые оскорбления.

— Ну вот, — сказал Матиуш смеющемуся Казимиру, — теперь с нами действительно еще один рыцарь.

Вечером зарядил дождь. Они сидели под соломенной крышей, по которой шелестели пряди теплого дождя. Всех всадников разместил у себя Ремс.

Хижина его была не самая большая в деревне, но он жил один.

— Простите, что здесь так мало места, — поклонился крестьянин. — Это маленький дождик, через одну чашку чая он пройдет... Я знаю, рыцари не привыкли спать на полу, но я сделал все, что мог. Сено очень хорошее — свежее и мягкое. Вот здесь под навесом всю ночь будет гореть огонь. В бочке чистая вода. Сейчас принесут ужин. Будет рис и целая жареная курица.

— Целая курица. На всех? — сказал со смехом Сигас. — Какая неслыханная щедрость. Когда нас обещали хорошо кормить, в голове представлялись, по крайней мере, бизоны на вертеле.

Рыцари уселись вокруг огня. Для домашнего очага в земляном полу была вырыта круглая яма, обложенная по краю речными камнями. Крестьянин вынес из клетушки круглые тюфяки, набитые травой.

— Какая странная у вас деревня, — сказал ему Кади. Он подсунул под себя сразу два тюфяка и в блаженстве вытянул ноги. — Я не увидел ни одной женщины. Только мужчины, старики и дети. Как же вы обходитесь?

— Мы все умеем делать. Мы крестьяне, — поклонился Ремс и удивленно поднял плечи, глядя на рассмеявшихся всадников.

— Что, разве у тебя нет жены? — спросил Куки. — Он стоял возле занавески и рассматривал маленькое бронзовое зеркало на довольно искусно сделанном, плетеном из ивовых ветвей шкафчике.

Крестьянин замотал головой и попятился от него. Под навес вошла старуха с глубокой миской. С ней были двое мальчишек и девочка. Они разложили на камне широкие листья мнемы и расставили глиняную и деревянную утварь.

Крестьянин сгорбился и открыл крышку. Запахло вареным рисом и жареной птицей. Рыцари окружили камень.

Дети стали в сторонке и спрятали руки за спиной. Крестьянин пшыкнул на них, и они, один за другим, исчезли в темноте. Старуха поклонилась и поковыляла за ними. Осталась только маленькая девочка. Она смотрела блестящими глазенками, как рослый рыцарь достал кинжал и споро порубил курицу на кусочки.

— Ну, что смотришь, — спросил у нее Медведь. — Хочешь есть? Хочешь? Он оторвал кусок лепешки, обмакнул ее в птичий жир и протянул ребенку.

— На, держи. Не бойся.

Девочка протянула обе руки и схватила угощение. Она жевала лепешку, не отводя глаз от мужчины.

— Вот хорошо, — сказал он. — Слушай девочка, а есть у тебя старшая сестра? — Он поднял руку, показывая рост. Такая же глазастая, но постарше. А? Есть?

— Не пугай ребенка, Кади, — сказал Казимир. — Тебе же сказали, они сами обходятся.

Из темноты появилась старая крестьянка. Она схватила девочку за руку, и они обе исчезли.

Всадники сосредоточенно насыщались. Куки взял комок риса, обмакнул в жир и отсел от камня к костру.

— Так как нам тебя называть, рыцарь Цветов? — спросил Ардо.

Парень перестал жевать, посмотрел исподлобья на всех. Брови его нахмурились озабоченно:

— Я забыл, — признался, наконец, он. — Как там было написано на этом дурацком камне. — Все негромко засмеялись. — Пусть будет, как у меня там в родословной.

— Фефел?

— Нет, лучше. Вот то второе, что ты прочел.

— Значит, Мифун? — предположил Ардо. Парень согласно кивнул. — Ну ладно, пусть будет Куки Мифун. Звучит складно...

Посмеиваясь, рыцари стали расходиться по хижине. День был длинный, и после ночлега под открытым небом душистое сено было не худшей постелью.

На следующий день Ардо вместе с Раймондо Сигасом и Казимиром Кочем занялись изучением местности. Деревня лежала между двумя холмами с одной стороны, и полями, которые переходили в низкие болота, с другой. Речка Рожайка пересекала одну из улиц возле дома старосты.

Сигас достал из сумки кусок старого пергамента, сплошь усеянного пометками о каких-то долгах. Он немного подскоблил обратную сторону телячьей кожи и использовал ее, чтобы нанести изображение двух улиц и ряда домов за речушкой.

Матиуш был рад, что рыцарь так серьезно отнесся к планированию их военной стратегии.

— Откуда приезжали бандиты? — спросил красно-черный всадник смуглого Ремса, который увязался за ними. — С какой стороны?

Крестьянин указал на холм, который поднимался за Рожайкой. Там к домам сбегала довольно пологая дорога.

— Всегда приходили оттуда? — уточнил Матиуш.

Крестьянин подтвердил.

Они вышли на мост возле дома старосты. Он был сложен из четырех толстых бревен, сверху обмазан глиной и присыпан землей. Дорога за мостом уходила вверх налево и скрывалась за деревьями.

Матиуш прошел до поворота и посмотрел вниз. Ветви над головой скрывали мост и людей на нем. Зато дом старосты был полностью открыт. На пороге хижины стояла Минора и смотрела за его действиями. Он вернулся назад.

— А если, спустившись, они обнаружат, что мост разобран, куда они направятся? — спросил он Ремса.

— Вниз к полям, — ответил он. — Это рядом, и там легко переехать реку. Бандиты это знают.

— Хорошо, идем на нижнюю улицу.

Они направились обратно. Чтобы попасть к полям, прошли через деревенскую площадь. На площади происходило представление.

Куки Мифун, подобрав концы длинной кольчуги и заткнув их за пояс, важно ходил перед строем двух десятков крестьян. В руках у них были тонкие колья из стволов лещины и косо срезанного тростника. У некоторых были рогатины.

— Что у вас в руках? — спрашивал у них рыцарь Цветов. И не дожидаясь ответа продолжал: — У вас в руках пики. Это страшное оружие против конного воина в умелых руках.

Рыцари остановились посмотреть на это зрелище. За спиной у Мифуна уже собралась целая стайка детей.

— Теперь скажите мне, у вас умелые руки? — продолжал Куки, указывая на крестьян пальцем. — Нет! Вы скорее попрытываете друг другу брюхо, чем скинете с лошади хоть одного воина. — Как вы стоите? Куда смотрят ваши пики? — Он сгорбился, изображая ближайшего к нему крестьянского парня, и испуганно вытаращил глаза. Дети радостно засмеялись. — Смотри на свое оружие. Ты сейчас выбьешь глаз своему соседу. Он тебя за это не поблагодарит. Делайте так: уприте нижний конец пики в землю и наклоните ее, словно на вас несется всадник. Вот так! Теперь рассыптесь в линию, как я учил! Будьте попроворнее и проживете подольше!

Ардо покачал головой:

— Напишите эти слова на моей могиле, милорды.

— Как? Эти тоже? — раздался сзади голос Миноры. Оказывается, она стояла за их спинами, и, конечно, не смогла удержаться от едкого замечания.

Матиуш поднял на нее бровь и отвернулся. Рыцари направились на нижнюю улицу. За ними на безопасном удалении последовала и дочь старосты. Она все еще не сменила мужское платье.

Возле полей речка Рожайка делала петлю. В ее самой широкой части глубина была едва по пояс. Ардо походил по броду. Тщательно изучил ногами дно.

Сигас взобрался на невысокий курган и с травинкой во рту старательно зарисовал изгибы реки и квадратики домов. Он с одобрением посматривал вниз на бастарда, мочившего свое платье.

— Значит, если мост разберут, они пойдут сюда? — спросил Матиуш.

— Можно еще с запада попасть в деревню, — сказал Ремс. — Как мы приехали, но тогда им придется подняться на тот дальний холм, а затем уже спуститься по верхней дороге. Они будут все время на виду. Сюда быстрее.

— Значит, здесь нужно делать ловушку. Как думаешь, Райм?

— Конечно. Забодай нога ногу. Хорошо бы — колья на дно.

— Что нахмурился, Казимир? Это противоречит турнирному кодексу?

— Я понимаю, что это война, — ответил Коч. — И все равно это мне не нравится. Лошади-то ни в чем не виноваты.

— Тебя должна утешить мысль, что крестьяне наделают из конины отменной колбасы. Что, Ремс, как ты относишься к колбасе?

— Очень хорошо отношусь, мой господин, только уже позабыл ее вкус.

— Видишь, Казимир, всегда можно найти хорошую сторону в любом отвратительном деле. Ну ладно, здесь мы решили. Теперь посмотрим западную дорогу.

День напролет они исследовали деревню и обсуждали слабые и сильные стороны ее обороны. На пергаменте тушью нарисовали приличный план деревни. Теперь он висел у Ремса в хижине на стене, и крестьянин был не в силах отойти от него. Он не сразу понял, что за линии на коже наносят красно-черный рыцарь и длинноносый лорд, но когда крестьянин увидел за кружками и черточками очертания родной деревни, восторг его был сродни почитанию бога Девуса. Чистая, быстрая магия!

Вечером рыцари обсудили положение дел. Предстояла большая работа по сооружению фортификаций. Нужно было сделать и замаскировать ловушки, укрепить деревенскую околицу, а где-то сделать и новый забор.

Рыцарь Цветов в красочной форме горячо поклялся сделать из крестьян сносных копейщиков. Симус пожаловался, что селяне не приспособлены к стрельбе из лука, и обучение может превысить любые здравые сроки. Оруженосец Бистроль предложил попробовать научить их бросать дротики.

— Это мысль, да только где же мы возьмем дротики? — сказал Сигас. — У тебя случайно нет с собой пары вязанок дротиков, лорд Хеспенский? Мы бы у тебя позаимствовали на время.

— Конечно, еще выкованные в Благодатном крае. Я без них даже из дома не выезжаю, — ответил Матиуш.

— А что, ваш кузнец не сможет сделать наконечники для метания? — спросил Казимир у Ремса. — Дротик это просто такое короткое копье. Выглядит как стальная стрела, привязанная к древку.

— Нашего кузнеца разбойники повесили первым, он выкинул красного рака из своей кузни, как кутенка, — сказал крестьянин. — Я помогал ему раньше бить большим молотом, но к тонкой работе он меня не подпускал.

Ардо подвел итоги. Они с Медведем, Раймондо и Казимиром будут заниматься ловушками и фортификацией, для этого они завтра отправятся к старосте. Пусть тех крестьян, что не хотят брать в руки оружие, отправляет копать ямы и огораживать околицу.

Мифун, оруженосец Бистроль и сквайр Йиржи со своим слугой Лехолом пусть дрессируют из крестьян пикинеров. Нужно сделать хотя бы три небольших отряда. Времени осталось, по словам старосты, немного. Бандиты наведываются аккуратно к урожаю.

Ремс убрал со стола и собрался уходить. Он поклонился рыцарям, пожелал доброй ночи. Рыцарь Цветов в этот раз не пустил его.

— Видел, где ты ночуешь — вместе с грязной скотиной. Это твой дом. Бери свою циновку и расстилай прямо здесь. Нечего рядиться. Скоро мы будем братья по оружию, а это даже для королей важно, кто с ними рядом жизнью рискует.

Все всадники молча одобрили это.

— Правда, какая все-таки у вас странная деревня, — сказал, укладываясь и зевая в темноте, Мифун. — Ни одной девушки, ни одной молодки. Только глубокие старухи. А, Ремс?

Ремс ему не ответил.

— А как же дочка старосты? — спросил кто-то.

— Разве это девушка? — возмущенно сказал другой голос. — Это гадюка с ножками. Береги глаза — плюнет ядом.

Ардо проснулся рано. Все еще спали, кто — разметавшись по постели, раскинув во сне руки и ноги, как Казимир, кто — свернувшись калачиком, как рыцарь Цветов.

Кто-то тихо ходил в соседнем помещении, и эти осторожные движения прогнали сон бастарда.

Он встал, прислушиваясь к звукам, зачерпнул кружкой воды. Вода была свежая и не успела нагреться. Под навесом старуха возилась с утварью. Он вышел за порог, толкнув щелястую дверь.

На востоке, над самым горизонтом прорезалась тонкая голубая линия. Снизу чернела земля, а сверху висела непроницаемая чугунная туча. Поднимающееся солнце золотой каймой озарило ее нижний край.

— Красиво, — сказал бастард.

Старуха перестала греметь в своем углу и замерла. Она бесшумно проскользнула за его спиной на двор и подняла свое морщинистое лицо.

— Скажи мне, господин, на что ты смотришь? Что ты увидел красивого? — произнесла она.

— Туча, которая пытается остановить солнце, — ответил он. — Она получила золотую ленту.

Старуха постояла минуту и молча вернулась в свою комнату. Бастарду стало неловко. Он почувствовал фальшь в своих словах, хотя ее и не было.

— Как ты живешь свою жизнь, старая женщина? — повернулся он к ней. — Наверное, не всегда в твоей жизни были одни лишь заботы?

Старуха остановила движение своих рук.

— Никто никогда не спрашивал меня об этом. Мне кажется, всю мою жизнь мои руки не знали отдыха. С тех пор, как я была маленькой девочкой, и умер мой отец. Тогда я попала в дом дяди.

— У тебя есть семья?

— Боги дали мне много детей. Их отец умер уже давно. И уже давно, чтобы прокормить их, я встаю за час до рассвета. Каждый день. Когда я иду к скотине, все соседи еще спят. Вокруг так пусто и тихо, что слышно, как в холмах плачут духи.

Ардо задумался.

— У тебя тяжелая жизнь. Твое тело не знает отдыха, но зато твоя душа чиста и совесть твоя спокойна.

— Нет, господин. Это не так. Когда заболела и умерла моя дочь, я радовалась в своем сердце. Я обмывала ее тело, плакала над ней и радовалась, что ее не ждет та же женская доля: быть служанкой при своем муже и детях.

Мой муж любил выпить перегонного вина и, выпив, поколачивал меня. Когда он заболел, я радовалась, что у него недостает на это больше сил.

Я сумела одна вырастить моих старших мальчиков. Они выросли крепкими и смелыми юношами. Они не стерпели, когда разбойники грабили наш дом, и схватились за вилы. Бандиты убили их в этом самом дворе на моих глазах.

Я думала, они будут мне надежной опорой и помогут поставить на ноги младших детей, а теперь я опять рву жилы одна.

Нет, господин. Душа моя скукожилась и почернела, как мое тело.

Ардо молчал. Старуха опять начала копошиться в своем углу. На дворе послышались сдержанные голоса, и Матиуш поспешил выйти за дверь, в свежесть разгорающегося утра.

Напротив хижины, на длинном неошкуренном бревне сидели староста и Минора. У девушки на поясе висел короткий меч.

Ардо пересек улицу и подошел к ним. Староста встал с бревна, приветствуя его, склонил лысую голову. Девушка осталась на своем месте, только зыркнула черными глазами.

— Пора собирать урожай, — сказал старик. — Начнем в этот раз на два дня раньше.

— Я в этом ничего не понимаю, — ответил Ардо.

— Бандиты придут в день перерождения бога Девуса. Они будут ожидать, что мы все свезем и уложим на деревенском току за священным деревом. Им только останется приехать с фургонами и забрать.

— Так и происходило?

— Этим не ограничивалось. Они все равно проходили по деревне, грабили, уводили скот.

— Поэтому в деревне нет женщин?

— Женщин они прячут и от вас тоже, — с вызовом сказала Минора.

— Тебя же никто не обижает, — сказал Матиуш, рассматривая загорелое лицо с высокими скулами и миндалевидные черные глаза.

— Пусть бы только попробовали, — сказала девушка. — Спроси у рыцаря Цветов, где это он порезал щеку.

— Вот как?

— И у племянника Казимира, откуда у него на голове кровавая шишка.

— Потрясающе. — Бастард поднял кверху лицо и рассмеялся. — Выходит, я один не высказал тебе своего доброго расположения. — Он сделал шаг к девушке, и она растерянно посмотрела на него, затем на отца.

— Мой господин... — сказал староста.

— Пошли, старик. — Матиуш успокаивающе положил руку старосте на плечо. — Обсудим, что нам делать с твоим домом, он стоит за мостом, который нужно разобрать. А ты, Минора, будь осторожна с этой железякой на твоём бедре. Она тяжела для тебя и сильно нарушает твой центр тяжести. Знаешь, что это такое, селянка?

— Ой, упаду! Тело белое поцарапаю! — всплеснула у них за спиной руками девушка.

Они прошли через речку по последнему бревну, которое пока оставили на время. Остальные бревна разобрали и раскатали накануне. Пошли вниз по дорожке, ведущей к броду. Ардо осматривал ограду на берегу со стороны деревни.

— Я много баловал свою дочь, — осторожно сказал старик. — Её мать давно умерла. Она выросла своевольной девчонкой. И я, конечно, сам виноват. Ей бы стоило уродиться парнем. Он бы здесь всем верховодил. Или покинул деревню с таким характером и стал перекасти-поле...

— Что ты хочешь сказать, старик?

— Ничего. — Староста провел ладонью по загорелому черепу. — Я не умею сказать... Только я чувствую, добром это не кончится. Даже если вы избавите нас от Красного Борислава. На копытах своих лошадей вы привезли в деревню хворь пустого беспокойства.

Они повернули головы в сторону холмов, привлеченные каким-то воем.

Впереди медленно поднималась на уступ лошадь, кивая головой с красной гривой на каждый свой тяжелый шаг. Всадник вскинул руку, закрывая глаза от острого утреннего солнца.

Староста вздохнул.

— Сэр Сигас все же нашел. Я говорил им, это пустое дело — ежа за пазухой не утаишь.

Крестьянин со снятой овечьей шапкой в руке бежал по ложбине к всаднику. На бегу он издавал этот тонкий воющий звук, который привлек их внимание. Крестьянин обежал вокруг лошади и жалобно поднял худые руки, увидев, что вез поперек лошади рыцарь. Подвывая, он последовал вниз за всадником.

Рыцарь подъехал ближе.

— Забодай нога ногу! Думаю, куда это он ходит? Я за ним проследил... А они прячут в холмах своих баб, — сплюнул Сигас и сбросил свою поклажу к ногам крестьянина. Тот её подхватил. Это была крепкая черноволосая девушка. Она даже не выглядела сильно испуганной.

— Ты ожидал найти что-то другое? — спросил Ардо.

— Конечно. Ты думаешь, я дурак и поверил, что Сонетр наймется служить крестьянам за чечевичную похлебку.

— Нет, не дурак. А что же ты думаешь?

— Я видел там, в трактире, золотую монету. У дочери старосты. Все ясно как белый день, почему в этой деревушке разгорелась такая война. Это золото короля Синезуба Первого. Крестьяне нашли клад. Поэтому мы здесь. Можешь ничего не говорить. Только скажи одно: дележ будет честный? Я должен знать, за что рискую своей шкурой.

— Похоже, если я буду отрицать, ты все равно мне не поверишь? — спросил Ардо. — В таком случае я честно скажу тебе: ты получишь ровно такую же долю, как и все остальные, в том числе и я сам.

— Вот именно это я и хотел услышать от тебя! — воскликнул Сигас и направил свою лошадь к деревне.

Днем Матиуш и Казимир прошли по лесу над деревней. Земля была устлана блестящими зелеными листьями. Среди них на корточках ползали дети. Они поднимали темные листья и срывали бордовые сочные ягоды. К их спинам были привязаны высокие корзинки, они ловко и привычно бросали горсти ягод себе за спину перепачканными ладошками. Весь верхний лес был полон ребятишек. Везде поблескивали темные глаза и шевелились переворачиваемые листья.

— Вот поэтому к деревне трудно подобраться незамеченным, — сказал Матиуш. — Если бы дети в ближайшие день-два и дальше промышляли здесь в холмах ягодой, они бы могли подать знак при появлении чужаков.

Они вышли на западную дорогу и стали спускаться с холма. Возле крайнего к Рожайке дома остановились. Речка здесь была совсем узкой. Можно было перемахнуть на лошади. За низким плетеным палисадником цвели сливы.

— Вот здесь, — сказал Матиуш. — Раймондо говорит, что здесь будет наше слабое место. Когда там внизу они получают отпор, пусть обнаружат, что с запада деревня никак не защищена. Здесь можно позволить налетчикам врываться на улицу через сад. Только запускать их по двое, по трое за раз. Я хотел бы, чтобы ты позаботился об этом предприятии.

— Что это там за шум? — повернулся Коч к деревне.

По улице за садом торжественно прошествовал Куки Мифун. В руках у рыцаря Цветов на длинном шесте развивалось белое полотнище с синей загнутой линией. Следом маршировали две дюжины крестьян. Они периодически вскидывали в воздух пики и шумно вскрикивали дикими котами.

— Смотри, Кади Берн только вчера вечером рассказывал о битве четырех королей у Первого Уступа и о захвате штандарта уруктаев, а Мифун уже намотал это на ус и сделал его для деревни, — сказал Ардо.

— Знамя?

— Для поднятия боевого духа. Медведь подчеркивал, как в сказании серые твари яростно защищали свой символ. Всем нужно зримое воплощение принадлежности к общему делу. Смотри, как идут крестьяне. Они пририсовали на полотнище своего бога-червяка.

Знамя воткнули в курган возле излучины. Это место было не самое высокое, но видно было со всех концов деревни. Когда крестьяне шли в поля и возвращались вечером домой, военный штандарт хлопал белым полотнищем с синей полосой над их головами. Бог Девус приветствовал свое стадо.

Это началось уже на следующий день.

Матиуш умывался во дворе у Ремса. Старуха Рота сливала ему воду на шею ковшиком. Прибежал мальчишка и, подпрыгивая от нетерпения, сообщил, что длинноносого лорда зовет рыцарь Ржавых Цветов. Голова Мифуна уже стала покрываться рыжим ежиком, и крестьяне по-своему переименовали его титул.

Матиуш последовал за мальчуганом на верхнюю улицу и вошел в мазаную известкой хатку. Там уже были остальные рыцари.

— Смотри, лорд, — показал ему Мифун тяжелый сверток на лавке, отливающий тусклым металлом. — Дело как было: мой пикинер вдруг сегодня приходит не с прежним тростниковым копьём, а с настоящим боевым. Да с каким шикарным! Начинаю допытываться, где взял? Молчит. Потом, говорит — нашел. Ну да! Купил, нашел, насилу ушел. Хотел отдать — не смог догнать... У меня это дело не пройдет.

Повел его в эту халупу, которую он называет своим домом, и здесь смотрите, что за богатство я увидел.

Мифун поднял обеими руками кольчугу. Матиуш подошел и провел рукой по тяжело колыхнувшейся волне металла. Ему редко приходилось видеть доспех такой тонкой работы.

— Это очень дорогая кольчуга, и делали ее на заказ. Здесь колечки подобраны другого оттенка. Они образуют надпись: «Отверни лицо». Это написано на железном языке. Интересно, как она попала к крестьянину?

— Понятно, как попала, — ответил Мифун. — Какой-нибудь рыцарь оказался беспомощным в их руках, и они убили его.

— С чего ты взял? — спросил Берн.

— Или дали умереть раненому, или убили спящего. Таковы крестьяне. Я знаю. Они как крысы. Вертятся под ногами, попискивают. Никто их не воспринимает всерьез. Человек благородный может только сморщиться и прогнать ногой со своего пути. А если рыцарь упал, повержен, остался один, здесь маленькие люди становятся смертельно опасны. Они придут ночью, навалятся на грудь. Двое, трое. Будут держать за ноги, а другие прижмут подушку к лицу.

На рыцаря Цветов было тяжело смотреть. Лицо его почернело. Он почти задыхался, когда говорил о своей догадке. Матиуш отвел взгляд. На земле лежал открытый шлем необычной, южной работы. Шишак был конической формы с закручивающимися спиралями блестящими гранями.

— А кто в этом виноват, что они такие? — спросил Мифун. — Вы — рыцари! Лорды, маркграфы и бароны. Вы проезжаете по их земле со своими сквайрами и оруженосцами по пути на войну. Топчете посевы, забираете у них еду, кормите их ячменем своих лошадей. Берете в боевые холопы их мужчин и делаете утехой для солдат их женщин. Кто об этом думает. Ведь так было всегда. Так делали и ваши отцы, и ваши деды. Кто заметит слезы маленького человека, когда впереди вас ждет славное сражение, которое запишут в красивые книги для ваших потомков. Знаете, что будет потом? Думаете, всякий утрется?

Он замолчал и закрыл лицо кулаками.

— Ты крестьянский сын? — спросил Матиуш.

Мифун не отвечал. Когда он опустил руки, глаза его были сухи и яростно горели. Коч протянул руку и положил ему на плечо. Парень оттолкнул ее и выбежал в дверь.

Рыцари переглянулись. В эту минуту в хатку ворвалась Минора.

— Вы слышали, слышали?! — свирепо закричала она. — Пустельга кричит.

— Тихо! — приказал Берн.

Все прислушались. Было слышно, как на холме над деревней жаловалась птица. Через несколько мгновений ей ответила вторая где-то немного ниже.

— Это возле дома старосты. Тот конец, — определил Йиржи.

Они выбежали из дома и побежали по нижней улице. Не было смысла даже пригибаться. Соломенные крыши скрывали их быстрое передвижение. Только возле последних хижин перед разобранным мостом они стали прижиматься к стволам шелковицы и ореховому тыну.

Косая тень от высокого дерева падала от крайнего дома через дорогу и речку. Симус Йиржи в сопровождении Лехола почти на четвереньках перебрались под ее прикрытием на другую сторону улицы и спрятались в камыше у небольшой ивы.

Опять раздался трепещущий голос пустельги. Теперь он был совсем рядом, сразу за рекой. Матиуш махнул рукой, они поспешно опустили в траву.

На дороге возле дома старосты появились две фигуры всадников. Одна подъехала к хижине, вторая спустилась еще ниже и остановилась возле моста. Человек наклонился и осмотрел разоренную переправу. Они не торопились. Из-за деревьев появился третий всадник. У него в руках поблескивал металлической стрелой взведенный арбалет. Он что-то сказал товарищам. Один из воинов спешил и, отдав повод другому всаднику, зашел в хижину старосты. Матиуш затаил дыхание. Всадника не было пару минут. Лошади переступали ногами в сухой пыли. Наконец он появился и что-то сказал. Его товарищи привязали лошадей к коновязи и зашли в дом.

— Это разведчики, — сказал Ардо. — Теперь быстро. Окружаем дом. Нельзя никого упустить.

Они побежали к Рожайке. Йиржи и его слуга уже спустились в речку. Вода была им по пояс. Все спешили и издавали много звуков, но в нескольких шагах выше речка звенела и шумела на камнях разобранного моста, и этот рокот все покрывал.

— Туда, — прошипел сквозь зубы Сигас. — Нужно пройти по реке и зайти с холма. Если вдруг они вырвутся...

— Я пойду, — сказал Коч и махнул рукой племяннику. Они, оскальзываясь на камнях, побрели в воде к концу ивового забора, окружавшего двор старосты со стороны реки. Руками они хватались за острую траву.

— А мы здесь. С двух сторон. — Красно-черный рыцарь взял дело в свои руки. — Они никого не оставили. Вы двое, уводите лошадей, — приказал он Симусу и Лехолу. — А мы с лордом вломимся в дом.

— Вы чего в воду залезли? — На берегу, на высокой кромке стоял рыцарь Цветов. После страстной речи он выскочил в дверь, и про него забыли. Он стоял, расставив локти. Весь, с головы до ног, на виду у всей округи.

— Сюда, — придушенно закричал на него Сигас. Лицо его было красным от ярости. — Разведчики. Сюда, в воду.

Мифун соскользнул в Рожайку и, помогая себе руками, пошел к ним.

— Что? Началось? Сколько их? — Глаза его просияли.

— Трое пока. Ты вовремя. Давай с гумна заходи, со двора. А мы с лордом в дверь. Шумни там во дворе.

— А может, я...

— Так, Фефел...

— Да понял я, понял, — весело ответил рыцарь Цветов и полез по скользкому склону к тыну.

Матиуш и Сигас в тени жасмина подобрались к входной двери в хижину. Над ней был небольшой соломенный навес с покосившимися жердями. Возле дороги Йиржи ловил за повод оставшегося коня. Тот испуганно вскидывал длинной мордой. Двух низкорослых рыжих коньков уже уводил его слуга Лехол.

— Ну что? — спросил Ардо. Он стоял с мечом в руке и смотрел на Сигаса. Уступить товарищу руководство предприятием оказалось очень легко. — Что дальше?

— У них арбалет. Подожди. Сейчас этот крестьянский сын вступит — тогда...

Конь вырвался из рук Симуса. Он встал на задние ноги, забил передними в воздухе и громко заржал. Сквайр упал на локоть и прикрылся рукой. Он едва избежал удара копытом.

В хижине раздался возглас. Сигас схватил Ардо за рукав и дернул в тень куста. Сейчас же распахнулась дверь, и оттуда выскочил разбойник. Он был без плаща, одет в красный кожаный панцирь и действительно походил на только что покинувшего котел рака. В руках у него был арбалет.

Сигас дал ему возможность перемахнуть за порог и отвлечься на похищение коня. Одной рукой он поспешил прикрыть за ним дверь. Кулак второй, сжимающий меч и облаченный в тяжелую крагу, безжалостно врезался ему в висок. Разбойник уже поднимал свой самострел на Йиржи и вдруг рухнул на плотно утрамбованную землю, не издав ни звука.

На дворе за домом послышался стук металла о дерево.

— Теперь! — сказал Сигас и первым ворвался внутрь.

Староста не солгал, когда говорил, что у него маленькая хижина. Вся его лачуга состояла из одной комнаты, в центре которой был сложен круглый очаг.

Когда Сигас и Ардо вторглись в дом, один из разбойников стоял спиной к двери. Шум, произведенный Мифуном, сделал свое дело и отвлек его. Бандит был одет в какие-то обноски.

Из доспехов на нем были только наплечники из толстой вареной кожи. Они были тоже красного цвета, только изрядно затасканные.

Разбойник стал поворачиваться навстречу атакующим, но меч Сигаса уже завершил свое движение и вторгся в незащищенную плоть верхней части руки.

Бандит закричал очень высоким пронзительным голосом и упал на колени. Рука его была почти перерублена. Он схватился за нее здоровой кистью, выронив при этом свой меч. Клинок с глухим звуком упал на земляной пол.

— Нет! — закричал разбойник. — Не убивайте!

Ардо, не глядя на него, шагнул к очагу. В каменной яме горел небольшой костер. За очагом, в углу за столом сидел третий бандит. Он выкатил на них круглые глаза. По бокам от него на лавке сидели староста и Минора. У старосты на скуле разгорался красный след от удара. Черные волосы Миноры были накручены на руку разбойника, ее мужская куртка разорвана и обнажено белое плечо и грудь.

— Я убью их, — просипел пучеглазый. — Девку первую.

— Мне плевать, — отмахнулся Ардо. — Только потом тебя на кусочки разорвут крестьяне. Смотри сам. Теперь ты мой пленник, если бросишь кинжал. Я лорд Хеспенский.

— И вы меня не убьете? — Он продолжал держать клинок под подбородком девушки.

— Человеку без оружия ничего не грозит. Законы войны, — сказал Матиуш равнодушно. — Но тебе нужно будет поделиться с нами сведениями. Когда все кончится, я отпущу тебя. Мне не нужна твоя жизнь. Сможешь убраться, куда пожелаешь.

— На это я согласен, — сказал пучеглазый.

Раненый бандит не переставал громко стонать. Сигас наклонился над ним.

— Что? — спросил Ардо, отвернувшись к рыцарю. Он не выказывал никакого интереса к пучеглазому. Даже не смотрел на него.

— Не жилец, — сказал Сигас. — Артерия перебита. Сейчас я помогу ему.

Он приставил меч к ребрам раненого и нажал двумя руками. Разбойник захрипел, схватился здоровой рукой за лезвие меча. Глаза его закатились.

Ардо повернулся к пучеглазому:

— Ты забыл бросить кинжал.

Бандит отбросил от себя кинжал, как рогатую гадюку. Тот тонко звякнул о стол. Староста с перекошенным лицом отодвинулся по лавке от пучеглазого. Минора двумя руками схватила кинжал со стола и ударила бандита в грудь. Он еще больше вытаращил глаза и упал головой на черные доски. Из-под его тела по столу расплылась быстрая лужа крови.

— Вот дура! — с чувством сказал Матиуш.

Девушка не отводила от разбойника черных глаз. Голова пучеглазого в коротком судорожном движении два раза глухо ударилась о столешницу. Минора взвизгнула и отпрянула от стола. Она сползла на пол и осталась там, не в силах оторвать глаз от своей жертвы. Сквозь дыру на груди Матиуш видел острый холмик груди с темным маленьким соском. Он отвел глаза.

— Хорошо все постарались, мы остались без языка, — сказал он.

— Еще есть тот — в красном панцире на улице, — сказал Сигас.

— Думаю, ты не оставил ему шансов, — ответил Ардо.

Он бросил взгляд на старосту. Старик держался за стол узловатыми пальцами и смотрел на убитого дочь бандита. Теперь обратного пути для деревни не было.

Они вышли на улицу. Симус и Лехол оттащили сбитого Сигасом бандита на площадку перед коновязью. Мальчишка стоял перед ним на коленях, дрожащими пальцами расстегивал ремешки красного доспеха.

Ардо остановился над ними.

— Живой?

— Нет, господин, — ответил Лехол. — Голова треснула, как орех.

— Зачем тебе оружие, Райм, — сердито повернулся Ардо. — Ты голыми руками всех поубиваешь. Надо было хоть кого-то в живых оставить. Плохо мы сработали.

— Зато никто не ушел, — заметил Сигас. Он вертел в руках то, что осталось от арбалета. — Неудачно он упал. Механизм вдребезги.

— Тихо! — поднял голову к холмам Матиуш. На дороге появился Бистроль. Он вел под уздцы серую лошадь. На ее крупе лежал мужчина в стеганом доспехе. Из-за деревьев появился Казимир, он широко шагал с мечом в руке.

— Еще один! — воскликнул Ардо.

— Сидел в секрете. Если бы эти трое не вернулись, он бы все доложил, — сказал Коч. — Совсем не дураки. Хорошо схоронился. Не знаю, как бы мы нашли его сами. Ребятишки вокруг чвиркали птицей. С такими лазутчиками можно целое войско в холмах разгромить.

— Убили?

— Живой. Даже не помяли. Меч увидел возле шеи и упал в обморок, как девица.

Вечером рыцари собрались в тесной хижине старосты. Они уселись кругом за столом. Матиуш отметил, что в двух местах пол был хорошо присыпан свежим речным песком. Черный стол был в одном месте отскоблен ножом, и теперь там желтело свежее дерево.

Минора принесла деревянную тарелку с двумя большими лепешками. Она, наконец, сменила мужской костюм на зеленое льняное платье. На груди и на рукавах был вышит крупный красно-белый орнамент.

— Итак, теперь мы знаем, что банда Красного Рыцаря состоит из сорока двух человек. Включая самого предводителя, — сказал Ардо. — Состояла. Двух упокоил Райм Сигас, еще одного, как свинью, зарезала наша очаровательная хозяйка.

Минора остановилась и сцепила руки. Ее черные глаза смотрели на Матиуша.

— Ты, милорд, сказал, что он может убить нас. Что тебе плевать, — выпалила она.

— Ну, Минора, поработай головой. Что я должен был ему сказать? Иди на все четыре стороны, только не трогай нашу девочку. Так? Я ему обещал жизнь в обмен на сведения, и он был уже согласен. Ты заколола его безоружного. Хорошо, хоть Казимир не сплеховал. Теперь у нас есть язык. Но лучше, чтобы их было двое. Так бы они веселее пели, и можно было бы сравнить узоры.

— Прости ее, господин, — сказал староста. Он поставил на стол плошку с льняным маслом. — Она испугалась и не знает, что говорит.

— Я убила бандита, — сказала Минора. — Кто еще в деревне может это сказать? У нас нет мужчин, одни трусы. Скоро мы, женщины, выгоним вас из деревни. От нас больше толка.

Рыцари засмеялись. Мифун протянул руку и схватил девушку за рукав:

— Минора, при всех говорю: если ты только пожелаешь, сейчас будешь моей женой. Ну или просто спутницей. Как захочешь.

Все опять засмеялись. Девушка вырвала руку, посмотрела на Матиуша своими черными глазами, смеется ли он, и ушла за огонь очага в дальний конец комнаты. Но потом вдруг вернулась.

— А я согласна. Если останешься здесь с нами, — крикнула она. — Будешь крестьянским бароном.

— Захлопнись уже, Минора, — сказал старик под общий смех.

— Еще одного скрутили Казимир с Бистролем, — продолжил Ардо. — Значит, теперь их осталось тридцать восемь человек. По словам пленника, народ в банде Красного Рыцаря, зовут его, кстати, Зельд Жече, очень разный. Бориславом он себя для красоты называет. Был тут раньше такой благородный разбойник, поборник справедливости. Он или младший сын, или бастард лорда Гесса Жече, не получил никакого наследства и промышляет тем, что грабит отдаленные деревни вдоль реки Сестры. На той стороне не сильно загуляешь, там медведи

Берны строго смотрят за такими молодчиками, так что больше достается королевской марке и землям Синезубов.

— Так есть в банде природные воины? — спросил Кади. Лицо его смягчилось при косвенной похвале дома Медведей.

— Говорит, есть там четыре настоящих рыцаря. По крайней мере, так они себя называют. — Он постарался при этих словах не смотреть на рыцаря Цветов, но, конечно, это сделал Сигас.

— Но соль в том, что теперь мы знаем, где они устроили для себя местную резиденцию.

— Атака, — вскочил Мифун. — Мы нападём на красных раков в их норе!

— Не атака, — сказал спокойно Сигас. — А засада. Для атаки у нас должно быть в три раза больше воинов, чем у них. А у нас...

— По короткой дороге до их логова меньше дня пути, — сказал Ардо. — Если выедем в ночь, будем там рано утром. Пленный разбойник говорит, что они даже не выставляют дозоров. Им там некого бояться. Что думаете?

— Правильно, — сказал Казимир. — Если не тянуть время, пока они начнут беспокоиться о своих разведчиках, можно сильно проредить красную банду.

Внезапно встал во весь рост старик. Его лысый череп был повернут в сторону волокового окошка под крышей.

— Вечевой колокол! — вскочила со своего места Минора. Все повернули головы, чтобы удостовериться, что рыцарь Цветов здесь, и это не он опять устроил переполох.

— Не успели, — закричал Мифун на всех. — Нападение!

Ардо бежал по краю улицы к центру деревни. На улицу со всех дворов выскакивали крестьяне. Некоторые были в нижних рубахах. Сейчас он не смог бы сказать, как преодолел речку Рожайку. В один прыжок это сделать невозможно.

В центре уже было несколько десятков мужчин, а еще дети и старухи. Другие крестьяне все подбегали. В этот раз в колокол бил Сомс.

— Они прячут бандита! — закричал он и обвиняюще указал на Ардо. — Они поймали красного бандита и оставили его в живых. Теперь мы будем кормить не только их, но еще и красного убийцу.

Толпа зашумела.

Ардо подошел к Сомсу и встал рядом с ним. Он был на голову выше крестьянина. Бастард поставил ногу на каменное тело червя и подождал, пока шум немного утихнет.

— Мы сегодня убили троих разбойников, — сказал он внушительно. — Это были разведчики Красного Рыцаря. Одного взяли в плен. Он нам дал ценную информацию в обмен на свою жизнь.

Грубо расталкивая крестьян, к нему приблизился Мифун. Он сразу беспардонно залез на бога Девуса и расставил ноги.

— Вы трусливые суслики, — закричал он, — как вы посмели устроить бучу? Вы не понимаете? Вы сейчас на войне. На войне есть свои благородные законы, и рыцари их должны соблюдать. Пленных не убивают. Их можно обменивать, отдавать за выкуп или казнить, если они совершили преступление.

— Рота, — зашумели в толпе. — Старуха Рота.

Люди расступались в стороны перед невысокой фигурой женщины. Она вышла в центр площади. В ее худой загорелой руке была небольшая мотыга на длинной ручке. Она использовала ее как костыль.

— Где красный рак? — спросила старуха. Она посмотрела на Ардо, потом повернула свое черное лицо к Сомсу. — Где он?

— Они держат его у Ремса, — ответил крестьянин.

Старуха повернулась и пошла через толпу к нижней улице. Крестьяне пропускали ее и смыкались у нее за спиной. Вся деревня двинулась за старой женщиной.

— Она убьет его, — сказал рыцарь Цветов. — Забьет до смерти своей тяткой.

— Это будет казнь, — ответил Ардо, глядя в спину крестьян. — Здесь ничего нельзя сделать. Пошли, нас ждет логово Красного Рыцаря.

Через час они уже покинули деревню. Она скрылась внизу за лесистым боком холма. Солнце уже скатилось за синий хребет. На тропинке, укрытой ветвями, стало совсем темно, хотя небо еще светлело сквозь деревья сизым глубоким цветом.

Проводником был Ремс, крестьянин, который предоставил им ночлег в своей хижине. Он ехал впереди на темной лошадке. Чтобы его можно было видеть в сумерках, он намотал на голову белый платок. Матиуш заметил, что когда они собирались, Ремс привязал на пояс небольшой тесак для рубки сахарного тростника. В этот вечер крестьянин был особенно молчалив.

Матиуш пришпорил своего коня, догнал и заговорил с ним.

— Ты хорошо знаешь эту дорогу? — спросил он. — Уже совсем стемнело и не видно никаких ориентиров.

— Приметы есть всегда для знающего человека. Я не раз ездил в эту сторону. Но... если бы я знал, что они устроили свое логово в бастионе первых людей... Почему раньше это не пришло в мою голову.

— Ты искал их? Но зачем? — В темноте Матиуш не мог видеть выражение лица Ремса. Только по длинной паузе он понял, что крестьянин колеблется — отвечать лорду на вопрос или нет?

— Моя жена у них. Они забрали ее, когда наехали в деревню в последний раз.

— Что бы ты сделал, если бы нашел их?

И опять длинная пауза.

— Не знаю. Что-нибудь... Я хотел узнать, жива ли она. Я сплеховал. Сейчас я бы не позволил, чтобы ее увезли на моих глазах, как овцу. Она на меня так смотрела... Пусть бы лучше меня убили, я бы успел распороть брюхо хоть одному из них.

Они спустились с холма в долину и поехали вдоль Рожайки. Взошла Селена и залила все серебряным светом. Девять всадников отбрасывали черные длинные тени на траву. В молчании они ехали под вечным ночным фонарем, каждый обдумывая какую-то свою мысль. Даже лошади, казалось, старались не издавать лишних звуков. Все путники вглядывались время от времени на изменившийся диск Селены. Матиуш при виде лунного зайца вспомнил слова Казимира о городе новых людей. Может, ему стоит составить компанию рыцарю. Если все это не сказки, и дело обстоит именно так, как рассказывает Коч...

Возможно, это последнее убежище для него. На него идет охота. Среди загонщиков может быть даже его отец, гордый лорд Стевариус. Тогда ему некуда будет податься. Но примут ли его новые люди? Почему он решил, что достаточно хорош для них? Другое дело Казимир — чистая душа... Он повесил голову и очнулся от мыслей, только когда отряд свернул от Рожайки в холмы. Тогда он посмотрел еще раз на Селену, пока ее не скрыли высокие деревья, и вспомнил, при каких обстоятельствах он впервые увидел Кади Берна. Как он мог это забыть?!

Он шел тогда по галерее во дворце, лорд Найда указал ему вниз и сказал, что весь дворец знает: его брат Ишти поручил Медведю доставить в столицу каких-то новых людей. Это было распоряжение королевы.

— Кади, — он подъехал к рыцарю, кивающему головой в такт лошади, — ответь мне на один вопрос: в тот день, когда нас схватили в резиденции моего брата, откуда ты вернулся, с какого задания?

Берн поднял сонное лицо и искоса посмотрел на Ардо.

— Это было строго конфиденциально, — ответил он. — Даже если теперь я беглый преступник, это не позволяет мне... У Медведей тоже есть понятие долга.

— Поручение тебе дал мой брат. Он теперь мертв. Перед кем ты хочешь сберечь свою тайну? Я знаю, что тебя отправляли за новыми людьми. Забыл название деревни. Весь двор об этом говорит. Это не секрет. Ты понимаешь, что это может быть причиной наших злоключений.

— Если так... Да, я ездил в Реиг по поручению капитана королевской гвардии. Прекрасный был рыцарь, хоть и Сонетр. Я привез трех человек, семью. Мужчину, его жену и ребенка. Они были чудно одеты... Это бросалось в глаза даже после деревенской ямы.

— Деревенской ямы? — переспросил Коч.

Он наострил уши и подъехал ближе, как только прозвучали слова Ардо о новых людях. Берн покосился на него, но продолжил. Теперь ему самому требовалось выговориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.